318

Н. А. Добролюбовъ.

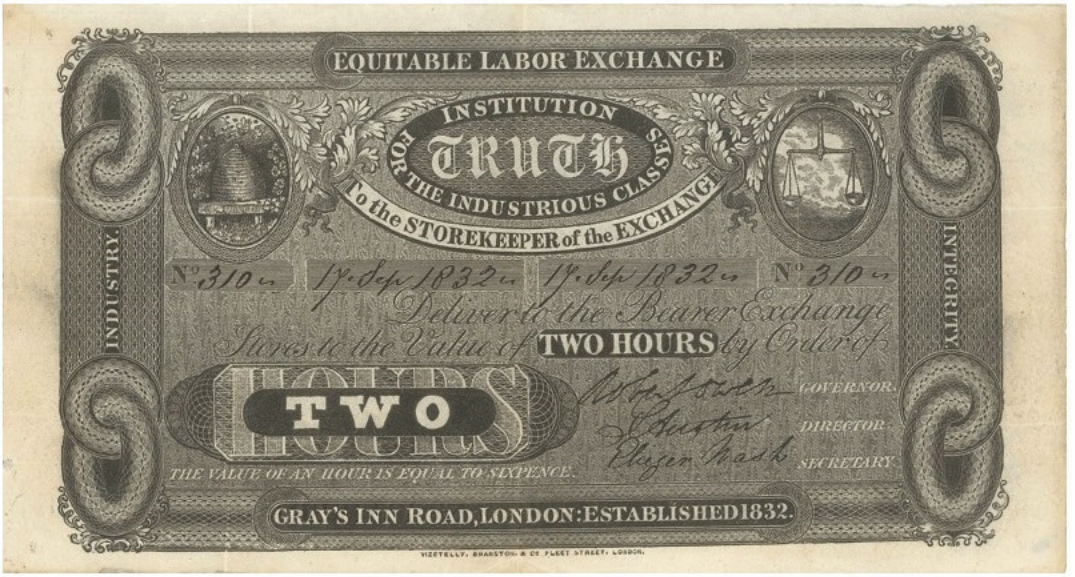
РОБЕРТЪ ОВЭНЪ

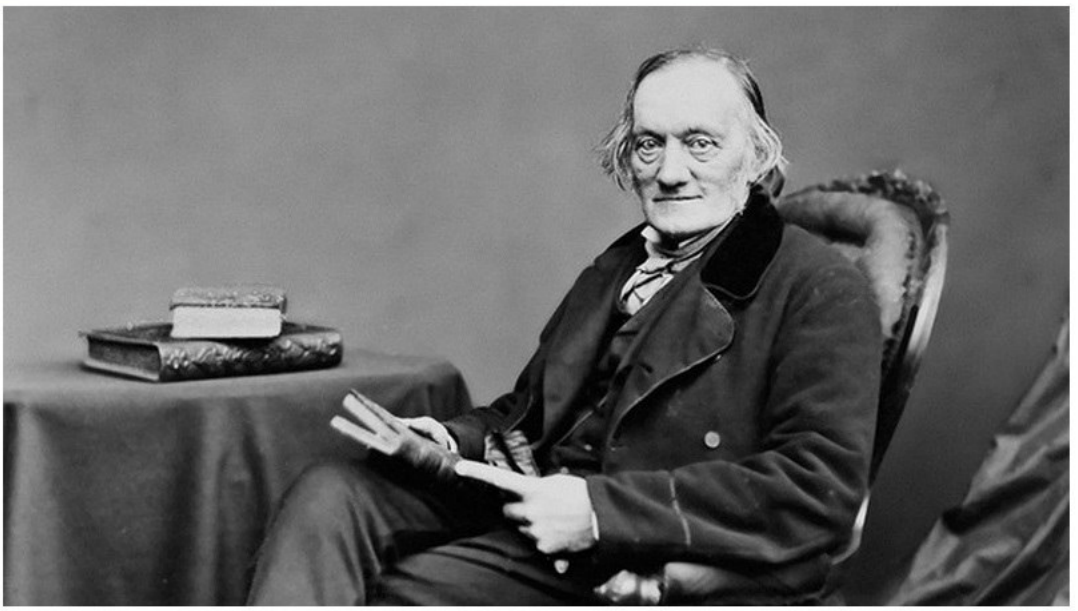
И ЕГО ПОПЫТКИ

ОБЩЕСТВЕННЫХЪ РЕФОРМЪ.

Цѣна 6 коп.

Изданіе В. Никитина.





Эта книга рассказывает историю попытки Роберта Оуэна использовать единицы времени в экономическом учете, заменив тем самым естественный товарный эквивалент в экономических отношениях.

Карл Маркс в «Капитале» рассматривал метод экономического учета Оуэна как неумелое использование фальшивых денег, не подкрепленных товарным эквивалентом.

Практика Оуэна противоречит экономическим предложениям Карла Маркса относительно учета экстенсивных и интенсивных объемов труда и товарного эквивалента в экономической науке.

Н. А. Добролюбовъ.

РОБЕРТЪ ОВЭНЪ

И ЕГО ПОПЫТКИ

ОБЩЕСТВЕННЫХЪ РЕФОРМЪ.

РАНЕНБУРГЪ.
Типографія Бр. Колпаковыхъ.
1911.

РОБЕРТЪ ОВЭНЪ

И ЕГО ПОПЫТКИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ РЕФОРМЪ.

Вступленіе.—Первоначальная дѣятельность Овэна и принятіе имъ въ управленіе Нью-Лэнэркской хлопчатобумажной фабрики.—Состояніе фабрики до него; эксплуатація работниковъ капиталистами, какъ причина дурного хода дѣлъ на фабрикахъ.—Идеи Овэна и мѣры, принятыя имъ для улучшенія Нью-Лэнэрка.—Возстановленіе довѣрія между хозяиномъ и работниками на фабрикѣ; училище въ Нью-Лэнэркѣ, по методѣ Овэна.—Общее вниманіе обращено на Нью-Лэнэркъ.—Временный успѣхъ Овэна, объясняемый состояніемъ англійскаго общества въ началѣ нынѣшняго столѣтія и ошибочнымъ пониманіемъ стремленій Овэна во всей Европѣ.—Адресъ Овэна Ахенскому конгрессу.—Дѣйствія Овэна въ парламентѣ, его пропаганда, борьба съ клерикальной партіей.—Путешествіе въ Америку и основаніе колоніи Нью-Гармони.—Возвращеніе въ Европу и основаніе Орбистонской колоніи, подъ управленіемъ Абрама Комба.—Новое путешествіе въ Америку и переговоры съ мексиканскимъ правительствомъ о Техасѣ.—Дѣятельность Овэна по возвращеніи въ Англію: пропаганда, участіе въ возстаніяхъ и предпріятіяхъ работниковъ; «Обмѣнъ народнаго труда»; «Дружеское общество рабочихъ» въ Манчестерѣ.—Поѣздка Овэна во Францію.—Основаніе колоніи Гармони-Голль.—Представленіе королевѣ Викторіи.—Письмо Роберта Овэна по этому случаю.—Послѣдніе годы жизни Овэна.—Заключеніе.

Овэнъ представляетъ собою безспорно одно изъ самыхъ благородныхъ и симпатичныхъ явленій нашего столѣтія. Недавно*) (17 ноября 1858 г.) угасла его жизнь, полная свѣтлыхъ предпріятій и великодушныхъ пожертвованій на пользу человѣчества, и никто, даже изъ враговъ его идей, не отказался помянуть его добрымъ словомъ. Личность Овэна до того привлекательна своимъ умнымъ добродушіемъ и какимъ-то благодатнымъ, свѣтлымъ спокойствіемъ, его дѣятельность до того поражаетъ своимъ полнымъ безкорыстіемъ и самоотверженіемъ, что самые ожесточенные противники его идей, отвергая его радикальныя реформы, не могли однако-же относиться къ его личности безъ особеннаго уваженія и даже нѣкотораго сочувствія. Его обвиняли, какъ утописта, мечтающаго передѣлать все человѣчество; ему доказывали необходимость без-

*) Статья Добролюбова напечатана въ № 1 „Современника“ за 1859 г. *Изд.*

успѣшности его стремленій; но въ то же время большая часть противниковъ не могла не согласиться, что очень было бы хорошо, если бы предположенія Овэна были осуществимы. Лучшіе умы нашего столѣтія выражали свое сочувствіе Овэну: даже государственные люди, князья и правители были одно время благосклонно заинтересованы его начинаніями. Къ сожалѣнію, у насъ—не только подробности теоретическихъ соображеній Овэна, не только практическія его попытки, но даже самое имя его до сихъ поръ почти неизвѣстно большинству даже образованной публики. Вотъ почему мы считаемъ небезполезнымъ познакомить нашихъ читателей съ жизнью и мнѣніями этого замѣчательнаго человѣка, почти три четверти столѣтія, въ старомъ и новомъ свѣтѣ, безукоризненно служившаго человѣчеству.

Робертъ Овэнъ родился въ 1771 году, въ Ньютонѣ, небольшомъ городкѣ графства Монгомери. Родители его были бѣдные люди и потому не могли дать ему хорошаго теоретическаго образованія. Заботясь только о томъ, чтобы сынъ ихъ имѣлъ возможность впослѣдствіи добывать себѣ хлѣбъ, они предназначили Роберта съ самаго ранняго возраста къ чистопрактической дѣятельности. Девяти лѣтъ онъ былъ уже сидѣльцемъ въ лавкѣ одного купца и очень рано выказалъ необыкновенную практическую смѣтливость. Въ качествѣ купеческаго приказчика и повѣреннаго, онъ разъѣзжалъ по разнымъ городамъ и мѣстечкамъ Англіи и, въ этихъ поѣздкахъ и торговыхъ сдѣлкахъ, пріобрѣлъ множество практическихъ свѣдѣній и даже успѣлъ составить себѣ нѣкоторый достатокъ. Восемнадцати лѣтъ Овэнъ былъ уже въ долѣ у основателя обширной хлопчатобумажной фабрики Дэля, на дочери котораго потомъ онъ женился. Черезъ нѣсколько времени Дэль и совсѣмъ сдалъ на руки Овэна свою фабрику, съ которою никакъ не могъ справиться. Это было въ 1789 г., и отсюда начинается блестящій періодъ практической дѣятельности Овэна.

Чтобъ оцѣнить значеніе того, что здѣсь имъ сдѣлано, нужно предварительно познакомиться съ положеніемъ

фабрики въ то время, когда она попала въ руки Овэна.

Фабрика Дэля находилась въ Шотландіи на берегахъ Клейда. Дэль основалъ здѣсь колонію Нью-Лэнэркъ и выбралъ для фабрики мѣсто, въ которомъ паденіе водъ Клейда представляло особенныя удобства для гидравлическихъ сооруженій. Это обстоятельство было чрезвычайно важно въ то время, когда приложеніе пара къ фабричнымъ производствамъ было еще неизвѣстно. Но кромѣ этого удобства, Нью-Лэнэркъ не имѣлъ никакихъ залоговъ успѣха и скоро пришелъ, подъ управленіемъ Дэля, въ крайнее разстройство. Фабрика была основана въ обширныхъ размѣрахъ, и работниковъ на нее требовалось много; при этомъ, конечно, нельзя было дѣлать слишкомъ строгаго выбора. А между тѣмъ, фабричная работа по самому существу своему не была въ то время особенно привлекательна. Индустріализмъ только-что началъ тогда въ Англіи приходить въ силу, и первый принципъ, приложенный имъ къ дѣлу, былъ—эксплуатація рабочихъ силъ посредствомъ капитала. Разумѣется, работникамъ не было сладко отъ этого, и на фабрики шли люди только оттого, что имъ было некуда дѣваться. Понятно, что такіе люди, принимаясь за фабричную работу при такихъ обстоятельствахъ, не обнаруживали слишкомъ большого усердія къ своему дѣлу.

Они знали, что какъ ни работай, а все-таки много не получишь съ хозяина, который только и норовилъ, чтобы выжать изъ работника сколько можно больше выгоды для себя. Вслѣдствіе такихъ понятій и такого порядка вещей, установились почти повсюду враждебныя отношенія рабочаго класса къ подрядчикамъ и заводчикамъ,—и обратно. Хозяинъ смотрѣлъ на своихъ работниковъ, какъ на вьючныхъ скотовъ, которые обязаны за кусокъ насущнаго хлѣба работать на него до истощенія силъ; работники, въ свою очередь, видѣли въ хозяинѣ своего злодѣя, который истощаетъ и мучитъ ихъ, пользуется ихъ трудами и не даетъ имъ ни малѣйшаго участія въ выгодахъ, ими-же ему доставляемыхъ. Само собою разумѣется, что не вездѣ въ одинаковой степени проявлялась эта непріязнь, потому что не всѣ хозяева съ одина-

ковымъ безстыдствомъ эксплуатировали работниковъ; но основа взаимныхъ отношеній между тѣми и другими вездѣ была одинакова. Основатель колоніи Нью-Лэнэрка, Дэль, былъ нисколько не хуже, и даже, можетъ быть, лучше многихъ другихъ фабрикантовъ; но, слѣдуя обычной системѣ обращенія хозяевъ съ работниками, онъ ничего не могъ сдѣлать съ ними. Невыгоды его положенія увеличились еще тѣмъ, что народъ, собравшійся къ нему на фабрику, дѣйствительно былъ избалованъ и развращенъ. Это былъ всякій сбродъ изъ разныхъ странъ, невѣжественный, лѣнивый и безнравственный. Такимъ образомъ, скоро Нью-Лэнэркъ даже превзошелъ въ нравственномъ безобразіи другія мануфактурныя колоніи, вообще не отличавшіяся нравственностью. Вмѣстѣ съ равнодушіемъ къ работѣ, явилась наклонность къ лѣни и праздности; ничтожность заработной платы, сравнительно съ выгодами всего предпріятія, и невозможность, безъ чрезвычайныхъ приключеній, выбраться изъ печальной колеи наемнаго работника производили недовольство, которое мало-по-малу переходило въ безпечность о будущемъ, равнодушіе къ своей участи и, наконецъ, въ тупую апатію ко всему хорошему. Когда-же такимъ образомъ внутренняя опора честности и порядочности, внутренній возбудитель къ дѣятельности исчезли, тогда уже не было возможности удержать эту массу людей, бросившуюся во всевозможные пороки и гадости. Въ Нью-Лэнэркѣ было 2.000 человѣкъ, и между ними едва можно было найти какой-нибудь десятокъ людей, хоть нѣсколько порядочныхъ. Пьянство господствовало между всѣми работниками въ самыхъ страшныхъ размѣрахъ. Ни одинъ работникъ не могъ сберечь никакой бездѣлицы изъ своего жалованья: все пропивалось... Если недоставало своихъ денегъ, то нипочемъ было украсть что-нибудь у товарища. Все надо было прятать подъ замками; чуть что плохо лежало,—ничему спуску не было въ Нью-Лэнэркѣ. Такое милое поведеніе обезпечивало, разумѣется, вѣчныя ссоры, безпокойства, жалобы и безпорядки въ колоніи. Всѣ были на ножахъ другъ противъ друга, никто не могъ ни на кого положиться, никто не считалъ безопаснымъ себя и свое иму-

щество... Ко всему этому присоединилась путаница семейныхъ отношеній, безобразно стоявшихъ въ полдорогѣ отъ формалистики пуританства къ практикѣ мормонизма или хлыстовщины. При всеобщей бѣдности и пьянствѣ работниковъ, это имѣло видъ грязный и гадкій болѣе, нежели гдѣ-нибудь. Семейство не существовало; дѣти оставались не только безъ образованія, но даже безъ всякаго призора; и какъ только они немножко подрастали, ихъ брали въ работу на фабрику. Чему они тутъ могли научиться, объ этомъ ужъ и упоминать нечего; но кромѣ нравственнаго вреда, и для самаго ихъ здоровья преждевременныя, однообразныя работы на фабрикѣ были чрезвычайно тибельны. Большая часть тѣхъ, которые не умерли во младенчествѣ изъ-за небреженія старшихъ, погибла въ раннемъ возрастѣ, среди изнурительныхъ работъ и безпорядочной жизни на фабрикѣ. Такимъ образомъ, вся колонія, испорченная и разстроенная въ настоящемъ, не имѣла никакихъ шансовъ и въ будущемъ; нельзя было надѣяться даже на то, что вотъ черезъ нѣсколько лѣтъ подростетъ новое поколѣніе, которое будетъ лучше предыдущаго.

Дэль долго бился съ своими работниками, употребляя для ихъ исправленія обычныя средства хозяевъ: брань, строгія наказанія, уменьшеніе жалованья, вычеты, лишеніе мѣста, судебное преслѣдованіе. Ничто не помогало. На мѣсто прогнанныхъ поступали новые работники, и какъ бы они ни были хороши сначала, общій потокъ увлекалъ и ихъ спустя нѣсколько дней по ихъ вступленіи на фабрику. Работники, у которыхъ убавляли жалованье, старались за то болѣе лѣниться и не чувствовали особенной разницы въ своемъ положеніи, потому что вѣдь и прежде они пропивали все, что получали: конецъ концовъ выходилъ все тотъ-же. А ужъ если недоставало и на выпивку, то всегда было подъ рукою легкое средство—украсть... Лишенія мѣста рѣшительно никто не боялся, потому что никто не дорожилъ мѣстомъ; а брань хозяина даже намѣренно вызывалась, потому что многіе не безъ пріятности видѣли раздраженіе и безпокойство своего врага. Словомъ—не было, повидимому, никакихъ средствъ улучшить

положеніе фабрики и самой колоніи, когда Дэль передалъ управленіе Нью-Лэнэркомъ Роберту Овэну.

Взявши на свои руки хлопчатобумажную фабрику Дэля, Овэнъ нашелъ, что доходы съ нея были черезчуръ ничтожны. Онъ немедленно принялся отыскивать причины дурного хода всей операціи. Первое, что ему бросилось въ глаза, было дурное качество товаровъ, приготовляемыхъ на фабрикѣ, и дурной ходъ всѣхъ фабричныхъ работъ. Зло, слѣдовательно, заключалось не въ посторонникъ помѣхахъ и затрудненіяхъ, а внутри, въ особенныхъ недостаткахъ фабричнаго производства. Разъ убѣдившись въ этомъ, Овэнъ рѣшился для успѣха предпріятія передѣлать организацію фабрики и всей колоніи. Онъ не хотѣлъ долго ждать, пока перемѣнятся сами собою обстоятельства, пока наберутся новые люди, и родятся новыя поколѣнія. Двадцатилѣтній юноша, полный энергіи и увѣренности въ себѣ, онъ полагалъ, что самъ можетъ создать обстоятельства, какія ему нужны, и съ помощью новой обстановки преобразуетъ тѣхъ же самыхъ людей, которые теперь казались ни къ чему негодными. Несмотря на молодость свою, Овэнъ въ это время обладалъ уже большою опытностью и отлично зналъ людей. Разъѣзжая по разнымъ частямъ королевства, имѣя дѣло со множествомъ разнообразныхъ лицъ, онъ особенно поражался всегда громадностью того вліянія, какое имѣютъ на человѣка окружающія его обстоятельства. Постоянныя наблюденія и размышленія привели его къ мысли, которая съ теченіемъ времени все крѣпла въ немъ и, наконецъ, сдѣлалась девизомъ всей его дѣятельности. Мысль эта заключалась въ томъ, что человѣкъ по натурѣ своей ни золъ, ни добръ, а дѣлается тѣмъ или другимъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Въ этомъ заключеніи Овэнъ представляетъ средину между мрачными теоріями средневѣковыхъ фанатиковъ и розовыми воззрѣніями Руссо. По средневѣковымъ теоріямъ, память о которыхъ не исчезла и понынѣ въ католической Европѣ, человѣкъ отъ природы—*золъ*, и только путемъ постояннаго самоотреченія и плотеумерщвленія можетъ выйти изъ своей природной гадости... Руссо, напротивъ, провозгласилъ, что человѣкъ добръ и совер-

шенъ, выходя изъ рукъ природы, а только съ теченіемъ времени, отъ привычки къ жизни и отъ общенія съ людьми, дѣлается злымъ и порочнымъ. Овэнъ говоритъ: ни то, ни другое. Въ человѣкѣ, при рожденіи его на свѣтъ, нѣтъ ни *положительнаго* зла, ни *положительнаго* добра, а есть только *возможность*, способность къ тому и другому. Способность эта заключается въ воспріимчивости къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, и, такимъ образомъ, нравственное развитіе человѣка совершенно зависитъ отъ того, какъ устроятся отношенія между его внутренней воспріимчивостью и впечатлѣніями внѣшняго міра. По мѣрѣ того, какъ эти впечатлѣнія осаживаются внутри человѣка, образуется въ немъ и *внутренній* характеръ, который, пріобрѣтая нѣкоторую силу, можетъ потомъ и противодѣйствовать внѣшнимъ вліяніямъ, вновь привходящимъ. Но и тутъ человѣкъ не освобождается вполнѣ изъ своей зависимости отъ обстоятельствъ, и Овэнъ утверждалъ даже, что ни одинъ человѣкъ, какъ бы крѣпко не сложился его характеръ, не можетъ долго выдержать себя совершенно неизмѣннымъ при измѣненіи всей окружающей обстановки. Руководимый такимъ убѣжденіемъ, Овэнъ отважно приступилъ къ реформамъ въ Нью-Лэнэркѣ, въ твердой увѣренности, что стоитъ измѣнить обстановку быта фабричныхъ, и вся колонія приметъ другой видъ.

Какъ человѣкъ умный и практическій, Овэнъ скоро понялъ, что главной причиной дурного хода дѣлъ на фабрикѣ была взаимная недовѣрчивость и даже непріязнь, существовавшая между хозяевами и работниками. Онъ рѣшился уничтожить эту непріязнь. Самъ онъ не былъ жаденъ къ барышамъ и охотно придалъ бы всему предпріятію нѣкоторый видъ ремесленной ассоціаціи. Но онъ не одинъ владѣлъ фабрикой и потому долженъ былъ дѣйствовать въ пользу рабочихъ, не нарушая интересовъ антрепренерскихъ. Доходы съ фабрики были, впрочемъ,—какъ уже сказано,—не велики, и потому Овэну небольшого труда стоило уговорить компаньоновъ предоставить ему полную свободу дѣйствій, при чемъ онъ обѣщалъ вѣрныя выгоды, а не убытокъ. Такимъ образомъ, сдѣлавшись распорядителемъ всей операціи, Овэнъ немедленно приступилъ къ

мѣрамъ, которыя долженствовали возстановить потерянное довѣріе работниковъ къ хозяевамъ фабрики.

Онъ былъ увѣренъ, что какъ скоро рабочіе получатъ убѣжденіе въ томъ, что хозяинъ къ нимъ расположенъ и заботится объ ихъ выгодахъ, то они сами станутъ заботиться объ интересахъ хозяина. Теорія взаимныхъ услугъ, развитая Овэномъ впослѣдствіи, уже и въ это время лежала въ основѣ его дѣятельности. Сообразно съ этой теоріей, онъ счелъ необходимымъ, прежде всякихъ другихъ перемѣнъ, позаботиться объ улучшеніи матеріальнаго быта работниковъ; затѣмъ, онъ имѣлъ въ виду улучшеніе ихъ нравственности, любовь къ своему дѣлу, живое участіе въ интересахъ всего предпріятія и вслѣдствіе того—возвышеніе достоинства работы и самыхъ выгодъ отъ фабрики. Четыре года продолжалась борьба Овэна съ безпорядками и развратомъ всей колоніи, и, по прошествіи этихъ четырехъ лѣтъ, Нью-Лэнэркъ принялъ такой видъ, что его узнать нельзя было: Овэнъ устроилъ образцовое поселеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезвычайно выгодную фабрику.

Чтобы видѣть, какъ онъ успѣлъ достигнуть такихъ результатовъ, представимъ нѣкоторыя подробности его дѣйствій.

Зная, что въ Нью-Лэнэркѣ на хозяина смотрятъ плохо, Овэнъ прежде всего постарался о томъ, чтобы какъ можно меньше напоминать рабочимъ свои хозяйскія права. Онъ выбралъ изъ среды работниковъ нѣсколько честныхъ и смышленыхъ помощниковъ себѣ, которымъ и передалъ свои идеи и намѣренія. Идеи эти состояли въ томъ, что польза самого дѣла требуетъ отъ хозяина заботливости о работникахъ, и что успѣхъ предпріятія можетъ быть обезпеченъ только полною добросовѣстностью и довѣріемъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Затѣмъ, намѣренія Овэна были по возможности удалить отъ работниковъ все, что до сихъ поръ неблагопріятно дѣйствовало на ихъ матеріальный бытъ, и потомъ облагородить ихъ нравственную сторону. Содѣйствіе этимъ намѣреніямъ—вотъ все, что желалъ Овэнъ отъ своихъ помощниковъ; очевидно, что и имъ самимъ не было непріятно ему содѣйствовать. Такимъ образомъ, съ самаго начала своего вступленія въ управленіе

фабрикой, Овэнъ рѣшительно уничтожилъ всѣ крутыя, насильственныя мѣры, всѣ принудительныя средства, употреблявшіяся до того времени съ работниками. Онъ предпочелъ дѣйствовать лучше положительными средствами, нежели отрицательными, и принялся за употребленіе ихъ въ очень обширныхъ размѣрахъ, прилагая свои идеи не къ частнымъ случаямъ и отдѣльнымъ лицамъ, а ко всей фабрикѣ. Онъ устроилъ и отдѣлалъ обширное зданіе со всѣми удобствами для помѣщенія работниковъ и сталъ отдавать имъ квартиры въ наемъ, всего болѣе заботясь о томъ, чтобы не получить съ нихъ никакого барыша за это. «Барышъ будетъ уже отъ того, что они тутъ жить будутъ,— разсчитывалъ Овэнъ:—какъ бы ни была ничтожна наемная плата, для фабрики въ концѣ счетовъ все-таки будетъ выгода». Дѣйствительно, мало-по-малу многіе работники перешли на житье въ новое помѣщеніе, которое было несравненно дешевле ихъ прежнихъ квартиръ и представляло болѣе удобствъ. Общее ожесточеніе противъ антрепренера нѣсколько утихло и стало смягчаться тотчасъ, какъ только увидѣли, что онъ дѣлаетъ дѣло по совѣсти. Овэнъ пошелъ дальше. Онъ устроилъ въ Нью-Лэнэркѣ родъ рынка, закупалъ всевозможные товары, необходимые для рабочихъ, и продавалъ ихъ, опять наблюдая то же условіе: не брать себѣ ни копѣйки барыша съ продаваемыхъ вещей. Убытка ему не было, а между тѣмъ рабочіе увидѣли вдругъ огромную разницу въ своихъ расходахъ. Прежде въ Нью-Лэнэркѣ торговали барышники, вытягивавшіе послѣдній сокъ изъ безпорядочнаго и пьянаго населенія: что было нужно, за то просили впятеро; у кого не было денегъ, тому отпускали въ долгъ съ ужасными процентами, обманывали и обсчитывали на каждомъ шагу. Все, что не пропивалось работникомъ, шло въ руки этихъ торговцевъ. Овэнъ рѣшился избавить отъ нихъ Нью-Лэнэркъ и, чтобы вѣрнѣе достичь своей цѣли, не только сталъ продавать товары лучше и дешевле, но также и открылъ кредитъ рабочимъ. Каждому работнику дана была книжка для записи получаемаго имъ жалованья. Въ счетъ заработанной платы, а въ случаѣ надобности—и впередъ, онъ могъ брать на рынкѣ Овэна все, что ему нужно. Количество и цѣна отпущенныхъ

вещей отмѣчались въ книжкѣ, а по истеченіи недѣли сводились всѣ счеты при выдачѣ заработной платы. Разумѣется, и тутъ предпріятіе Овэна не вдругъ пріобрѣло довѣріе. Однакоже вскорѣ всѣ увидѣли, что выгоднѣе покупать дешево хорошія вещи, нежели дорого дурныя. Еще немного—и всѣ убѣдились, что лучше при концѣ недѣльнаго счета получить десять копѣекъ вмѣсто рубля, за исключеніемъ всѣхъ расходовъ, нежели получить полный рубль и тотчасъ же издержать его весь на тѣ же расходы, да еще остаться въ долгу. Мало-по-малу всѣ убѣдились, что Овэнъ не надуваетъ ихъ, всѣ обратились къ его лавочкамъ и вслѣдъ за тѣмъ (что было всего важнѣе для Овэна) увидѣли, что имъ можно жить не хуже прежняго и между тѣмъ все-таки дѣлать сбереженія изъ заработной платы. Довести работниковъ до этого убѣжденія было необходимо Овэну особенно потому, что этимъ только путемъ надѣялся онъ подѣйствовать на искорененіе пьянства въ Нью-Лэнэркѣ. Воровство и важные безпорядки уменьшились довольно скоро; удобныя и дешевыя квартиры, честная продажа товаровъ, всегда аккуратный и справедливый разсчетъ съ работниками—были достаточны для того, чтобы значительно ослабить и почти уничтожить въ нихъ наклонность къ воровству, грабежу и грубому, наглому мошенничеству. Но пьянство долго не поддавалось усиліямъ Овэна, потому особенно, что продавцы вина сильно ему противодѣйствовали, всячески соблазняя рабочихъ. Послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ попытокъ образумить работниковъ, Овэнъ рѣшился и здѣсь попробовать ту же мѣру, которой удалось ему избавить Нью-Лэнэркъ отъ барышниковъ. Онъ самъ принялся за продажу вина и устроилъ питейные дома и лавочки, гдѣ *виски* лучшаго качества продавалась на тридцать и на сорокъ процентовъ дешевле, чѣмъ у другихъ винныхъ продавцовъ. Разумѣется, посторонняя виноторговля была этимъ сильно подорвана и черезъ нѣсколько времени исчезла изъ Нью-Лэнэрка. Въ питейныхъ же домахъ, заведенныхъ Овэномъ, пьянство не могло встрѣтить благопріятныхъ условій для своего развитія. Сначала и тутъ, правда, многіе напивались, и никто не мѣшалъ имъ въ этомъ. Но во многихъ наклон-

ность къ пьянству ослабѣла уже отъ одного того, что не была возбуждаема и поддерживаема безпрерывными искушеніями и зазываніями, какія употреблялись прежними виноторговцами. Въ другихъ проявилась бережливость и, имѣя возможность повеселить себя чаркою виски за дешевую цѣну, они уже не считали особенно восхитительнымъ истратить весь остатокъ заработной платы для того, чтобы напиться до безчувствія. Мало-по-малу, Овэну удалось довести массу работниковъ до того, что пьянство стало считаться между ними предосудительнымъ. А разъ утвердившись на этой почвѣ, онъ уже безъ особенныхъ усилій могъ искоренить остатки пьянства. Между прочимъ, сильно помогло ему въ этомъ одно устроенное имъ учрежденіе для холостыхъ работниковъ, которые, разумѣется, и были самыми опасными кутилами. Онъ учредилъ для нихъ общій столъ, по самой ничтожной цѣнѣ. Пища была очень обильна, разнообразна и питательна, плату за обѣдъ можно было просто записывать въ книжку жалованья: такія благопріятныя условія привлекли многихъ, а когда они стали имѣть порядочный столъ, то у большей части самъ собою пропалъ позывъ на безпутное пьянство. Спустя нѣкоторое время Нью-Лэнэркъ сталъ на такую ногу, что пьяница въ немъ поражался общимъ порицаніемъ и презрѣніемъ, почти наравнѣ съ воромъ и мошенникомъ. Нравственныя чувства пробудились въ людяхъ, прежде столь грубыхъ и испорченныхъ, и въ Нью-Лэнэркѣ началась совершенно новая жизнь.

Вмѣстѣ съ измѣненіемъ быта рабочихъ измѣнялось и самое управленіе фабрикой. Врагъ всякихъ принудительныхъ мѣръ, Овэнъ уничтожилъ всѣ наказанія и взысканія, до того времени употреблявшіяся на фабрикѣ. Онъ хотѣлъ дѣйствовать только на убѣжденіе и на добрую волю работниковъ. Своими распоряженіями въ ихъ пользу, онъ добился ихъ довѣрія, что было для него вдвойнѣ трудно, какъ для хозяина и какъ для англичанина,—потому что большинство работниковъ состояло изъ шотландцевъ, плохо расположенныхъ къ англичанамъ. Получивши же довѣріе рабочихъ и постоянно его оправдывая своими поступками, Овэнъ уже весьма легко убѣдилъ ихъ, что ихъ собствен-

ные интересы должны заставить ихъ работать усерднѣе и лучше. Онъ объяснилъ имъ кругооборотъ всей операціи такимъ образомъ: «отъ вашего усердія и качества вашей работы зависитъ количество и качество фабричныхъ продуктовъ, которые мы можемъ изготовлять на продажу. Чѣмъ больше будетъ продуктовъ, и чѣмъ выше будетъ ихъ достоинство, тѣмъ болѣе доходовъ получится съ фабрики. Увеличеніе-же доходовъ дастъ мнѣ возможность болѣе сдѣлать въ вашу пользу,—возвысить задѣльную плату, сократить число рабочихъ часовъ, увеличить удобство вашего помѣщенія, и т. п. Вы видите, слѣдовательно, что, работая хорошо, вы не для моихъ однихъ барышей жертвуете своимъ трудомъ, а имѣете въ виду вашу собственную, прямую выгоду». Разсужденія эти были очень просты и здравы, и такъ какъ всѣ вѣрили, что Овэнъ не надуетъ, а дѣйствительно сдѣлаетъ, что говоритъ, то представленія его имѣли сильное дѣйствіе на работниковъ. Чтобы довершить вліяніе своихъ убѣжденій, Овэнъ отказался отъ всякаго формальнаго проявленія начальнической власти въ своихъ отношеніяхъ съ рабочими и предоставилъ ихъ собственному суду опредѣленіе степени искусства въ работѣ и личныхъ достоинствъ каждаго. Не только въ частной жизни работниковъ, но даже въ самой работѣ ихъ, Овэнъ умѣлъ избѣгнуть всякихъ понужденій и взысканій; онъ никогда не поднималъ шуму изъ того, зачѣмъ человѣкъ наработалъ мало или плохо, никогда не заставлялъ работать противъ воли. Онъ сказалъ, что хорошая работа нужна для общей пользы работниковъ еще болѣе, нежели для его частной выгоды, и, помня это, онъ хотѣлъ, чтобы работники сами заботились объ исправномъ ходѣ работъ. И дѣйствительно,—они заботились: лѣнтяй и плохой работникъ подвергались порицанію и презрѣнію всего общества; неумѣющихъ учили болѣе искусные; лучшіе мастера пользовались общимъ почетомъ; во всей массѣ работниковъ явилось чувство живого соревнованія, добросовѣстность въ работѣ водворялась все болѣе и болѣе, вмѣстѣ съ упроченіемъ нравственныхъ началъ въ Нью-Лэнэркѣ. Всякій чувствовалъ себя отвѣтственнымъ уже не передъ эксплуататоромъ-хозяиномъ, котораго и обмануть

не грѣхъ, ни передъ начальственной властью, на которую всегда смотрятъ съ нѣкоторой недовѣрчивостью и даже враждебностью, а передъ цѣлымъ обществомъ своихъ товарищей, во всемъ между собою равныхъ и имѣющихъ одни и тѣ-же интересы. Такого рода отвѣтственность, соединенная съ чувствомъ правильно-настроеннаго, здороваго самолюбія, была самымъ лучшимъ двигателемъ всего хода дѣлъ на фабрикѣ. Всѣ старались быть и все дѣлать какъ можно лучше, не ожидая за это ни хозяйской похвалы, ни прибавки на водку, такъ какъ Овэнъ, уничтоживши взысканія, уничтожилъ и награды въ Нью-Лэнэркѣ. Единственную дань внѣшнимъ отличіямъ принесъ онъ, допустивши дощечки разнаго цвѣта, которыя давали каждому работнику и означали достоинство работы каждаго. Дощечки были четырехъ цвѣтовъ: *бѣлыя*, означавшія, что работа хороша, *желтыя*—довольно хороша, *синія*—посредственна, *черныя*—дурна. Замѣчательно, что, по отзывамъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Нью-Лэнэркъ, весьма у немногихъ работниковъ находились синія дощечки, а черныя—ни у кого.

Внѣ своихъ мастерскихъ, работники также не могли укрыться отъ общественнаго контроля, который былъ гораздо дѣйствительнѣе надзора хозяина. И здѣсь Овэнъ умѣлъ достигнуть того, чего ему хотѣлось, всего болѣе тѣмъ, что оставилъ всякое прямое вмѣшательство въ частныя дѣла фабричныхъ. До вступленія его въ управленіе, работники Нью-Лэнэрка безпрестанно враждовали между собою изъ-за національностей и изъ-за различныхъ оттѣнковъ вѣроисповѣданій. Хозяева и надсмотрщики считали своимъ долгомъ разрѣшать ихъ ссоры по своему крайнему разумѣнію; само собою разумѣется, что сторона, обиженная рѣшеніемъ, воспламенялась еще больше прежняго, и раздоръ усиливался. Овэнъ объявилъ, что онъ ни къ кому особеннаго расположенія не питаетъ и никому не намѣренъ—ни мѣшать, ни помогать въ дѣлахъ вѣры и личныхъ убѣжденій. Для него было рѣшительно все равно, шотландецъ, англичанинъ или ирландецъ былъ работникъ, и держался-ли онъ чистаго католическаго вѣроисповѣданія, принадлежалъ-ли къ епископальной или пресвитеріанской

церкви, былъ-ли методистъ или анабаптистъ. Равнодушіе и полнѣйшая, безграничная терпимость Овэна подѣйствовали и на работниковъ: раздоры землячества и сектаторства затихли и мало-по-малу совсѣмъ прекратились, такъ что, когда Овэнъ устроилъ училище для дѣтей фабричныхъ, то приверженцы самыхъ враждебныхъ между собою сектъ не усомнились отдать туда дѣтей своихъ.

Училище, устроенное Овэномъ въ Нью-Лэнэркѣ, было торжествомъ его системы. Обыкновенно, дѣти фабричныхъ не получали въ это время никакого воспитанія. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ они начинали ходить на фабрику и тамъ, по мѣрѣ силъ, помогали взрослымъ и по мѣрѣ возраста пріучались къ ихъ грубости и разврату. Получить возможность взять дѣтей для ученія отъ фабричной работы,—и это уже было шагомъ впередъ. Овэнъ добился этой возможности, убѣдивши работниковъ, что ранѣе десяти лѣтъ не слѣдуетъ посылать дѣтей на фабрику, и ограничивши срокъ дѣтской работы десятью часами въ день—maximum. Въ училищѣ-же своемъ Овэнъ вздумалъ приложить тѣ-же начала, посредствомъ которыхъ онъ такъ удачно преобразовалъ Нью-Лэнэркъ, и совершенный успѣхъ оправдалъ его систему. Отправляясь отъ той мысли, что человѣкъ весь есть созданіе обстоятельствъ, и что, слѣдовательно, на него не можетъ падать отвѣтственность за то, уменъ онъ или глупъ, скроменъ или дерзокъ, и т. п., Овэнъ считалъ рѣшительной нелѣпостью всякія условныя награды и наказанія не только для взрослыхъ, но даже и для дѣтей. Поэтому, въ училищѣ его никакихъ наградъ и никакихъ наказаній не было положено. Къ ученью дѣти возбуждались интересомъ самаго знанія, которое имъ никогда не старались навязывать противъ воли. Что касается до внѣшняго порядка и такъ называемаго *поведенья* учениковъ, то Овэнъ никогда не считалъ нарушеніемъ порядка и дурнымъ поведеніемъ—маленькія дѣтскія шалости, неистребимыя при томъ никакими строгостями. Большихъ-же преступленій не могло быть въ училищѣ Овэна уже и потому, что тутъ почти исключительно находились дѣти моложе десятилѣтняго возраста. Да ежели и встрѣчались проступки дѣйствительно нехорошіе, то они находили свое

осужденіе и наказаніе въ самихъ-же дѣтяхъ. Посѣщавшіе Нью-Лэнэркъ съ удивленіемъ разсказываютъ о томъ порядкѣ, благородствѣ и единодушіи, какіе господствовали между дѣтьми, находившимися въ училищѣ Овэна. Ежели сильный хотѣлъ обидѣть слабаго, остальныя дѣти вступались за обиженнаго; если кто замѣченъ былъ въ плутовствѣ, съ нимъ не хотѣли имѣть дѣла; кто солгалъ, тому переставали вѣрить... Въ играхъ, занятіяхъ, во всѣхъ отношеніяхъ дѣтей между собою господствовала совершенная открытость, справедливость и взаимное уваженіе и расположеніе. При этомъ вовсе не исключалось соревнованіе учениковъ между собою; но такъ какъ наградъ и наказаній не было, то оно возбуждалось не завистью и корыстью, а искреннимъ желаніемъ дѣйствительнаго совершенствованія. Проистекая изъ такихъ началъ, соревнованіе учениковъ Овэна было тихо и добродушно; оно никогда не могло дойти до такого неистовства, до какого доходило, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ ланкастерскихъ школахъ, искусственно возбуждавшихъ его до такой степени, что соревнующіе ученики стали наконецъ пырять ножами другъ друга. У Овэна дѣти и не ссорились за ученье, и учились хорошо. Замѣтимъ здѣсь, что училище его по своимъ размѣрамъ не уступало многимъ изъ ланкастерскихъ школъ, и что способъ обученія Ланкастера и Белля былъ отчасти усвоенъ Овэномъ. Залы училища его могли вмѣщать до 400 воспитанниковъ. Всѣ дѣти распредѣлены были по различнымъ классамъ; самыя маленькія учились читать и писать; въ старшихъ классахъ преподавались высшія правила счисленія, механики и физики. Старшія обыкновенно не только сами учились, но и руководили младшихъ. На десятилѣтнемъ возрастѣ ученье обыкновенно кончалось, потому что съ десяти лѣтъ дѣти начинали уже ходить въ мастерскія на работу. Но и до этого времени они успѣвали пріобрѣтать довольно много свѣдѣній, благодаря тому, что все ученье было совершенно наглядно и чуждо всякихъ схоластическихъ замашекъ и ненужныхъ формальностей. Принято было за правило—непремѣнно *показывать* ученикамъ самый предметъ, о которомъ говорилось, или, по крайней мѣрѣ, рисунокъ его. Такимъ образомъ, есте-

ственная исторія изучалась обыкновенно во время прогулокъ въ полѣ: изученіе географіи начиналось съ разсматриванія карты и продолжалось въ видѣ путешествія по ней отъ даннаго пункта, и т. д. Избѣгать всякой сухости и мертвой формальности и поддерживать въ дѣтяхъ живой интересъ ко всему, что имъ преподавалось,—было главною заботою Овэна. Благодаря такой системѣ, мальчики въ короткое время своего пребыванія въ школѣ пріобрѣтали у него довольно основательныя познанія въ геометріи, механикѣ и естественной исторіи. Дѣвочекъ учили меньше, и вмѣсто спеціальныхъ занятій, прилагаемыхъ въ фабричномъ мастерствѣ, ихъ обучали разнымъ рукодѣліямъ, преимущественно шитью.

Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить одно замѣчательное обстоятельство, которое показываетъ, съ какимъ тактомъ умѣлъ Овэнъ вести дѣло и пользоваться своимъ положеніемъ. Мы упоминали выше о множествѣ различныхъ сектантовъ, бывшихъ въ Нью-Лэнэркѣ. Принимаясь учить дѣтей, Овэнъ долженъ былъ въ религіозномъ обученіи—или выбирать какую-нибудь одну изъ сектъ, или приноровляться къ каждой изъ нихъ. И то, и другое было не хорошо: первое могло возстановить противъ Овэна приверженцевъ другихъ сектъ, второе значило играть комедію, проповѣдуя то, чего вовсе не одобряешь. Овэнъ блестящимъ образомъ выпутался изъ этого затрудненія, сохранивши доброе согласіе въ колоніи и не пожертвовавъ ни іотою изъ своихъ личныхъ убѣжденій. Онъ совершенно отказался отъ религіознаго обученія, сказавши, что не хочетъ стѣснять никого и предоставляетъ родителямъ полную свободу наставлять своихъ дѣтей, какъ имъ внушаютъ ихъ благочестивыя вѣрованія. «Въ семейной жизни и воспитаніи,—прибавляетъ Овэнъ,—правила вѣры гораздо лучше усвоиваются, нежели въ школѣ, и потому дѣтямъ не будетъ никакого ущерба отъ того, что религіозное обученіе не войдетъ въ число учебныхъ предметовъ школы».

Въ 1797 г., уже сдѣлавши нѣсколько преобразованій въ Нью-Лэнэркѣ, Овэнъ женился на дочери своего главнаго компаньона, Дэля, и съ этихъ поръ получилъ еще болѣе вліянія на всѣ дѣла фабрики. Доходы ея быстро

увеличивались, итоги доходили до милліоновъ, и всѣ компаньоны убѣдились въ справедливости и благоразумiи распоряженiй Овэна. Необыкновенная честность его и рыцарская справедливость во всѣхъ торговыхъ сдѣлкахъ еще болѣе увеличивали всеобщее довѣрiе къ Овэну и подняли значенiе Нью-Лэнэркской фабрики. Овэнъ доводилъ до того свою честность, что если получалъ заказъ въ то время, когда товары были въ очень высокой цѣнѣ, то писалъ заказчику, не хочетъ-ли подождать немного, такъ какъ черезъ нѣсколько времени цѣна товара должна понизиться. Сначала всѣ съ изумленiемъ смотрѣли на такой образъ дѣйствiй и со дня на день ждали, что Нью-Лэнэркъ разорится и обанкрутится. Но прошло 20 лѣтъ, фабрика приходила въ цвѣтущее положенiе, владѣльцы ея получали отличные доходы, и вся колонiя Нью-Лэнэрка пользовалась полнымъ благосостоянiемъ.

Слухъ о чудесахъ, произведенныхъ Овэномъ, распространился въ Англiи и вскорѣ потомъ во всей Европѣ. Всеобщее вниманiе было обращено на Овэна и его удивительную реформу въ жизни фабричныхъ; тысячи любопытныхъ посѣтителей ежегодно бывали въ Нью-Лэнэркѣ и съ восторженнымъ удивленiемъ разсказывали объ эдемской идилліи, осуществленной на берегахъ Клейда стараніями Овэна. Только нѣкоторые скептики рѣшились увѣрять, что тутъ что-нибудь да не такъ, и что во всякомъ случаѣ изъ успѣха частнаго опыта ничего нельзя заключать о достоинствѣ всей системы, приложенной Овэномъ къ Нью-Лэнэркскимъ фабричнымъ. Тогда Овэнъ рѣшился изложить нѣкоторыя изъ общихъ основанiй своихъ дѣйствiй, придать нѣсколько систематическiй видъ своимъ общимъ воззрѣнiямъ и объяснить практическiе результаты, достигнутые имъ посредствомъ соображенiй теоретическихъ. Съ этой цѣлью издалъ онъ въ 1812 г. свое первое сочиненiе— «Объ образованiи человѣческаго характера» (New views of society, or essays upon the formation of human character). Въ этомъ сочиненiи уже очень ясно высказывается взглядъ Овэна на природу человѣка и на условiя ея развитiя въ ту или другую сторону. «Человѣкъ во всѣхъ своихъ дѣйствiяхъ зависитъ отъ окружающихъ его обстоя-

тельствъ. Полной абсолютной свободы не существуетъ и никогда не существовало. Поэтому, человѣкъ не можетъ нести отвѣтственности за то, что у него дурной характеръ или ложныя убѣжденія. Равнымъ образомъ, и всѣ практическія послѣдствія дурного развитія ума или воли не должны быть относимы прямо къ винѣ отдѣльной личности, а должны быть приписаны дѣйствію тѣхъ же обстоятельствъ. Измѣненіе человѣческаго характера возможно, слѣдовательно, только при перемѣнѣ той общественной обстановки, въ которой живетъ человѣкъ. Эта послѣдняя перемѣна должна быть совершена посредствомъ улучшенія матеріальнаго быта массъ и посредствомъ воспитанія новыхъ поколѣній на совершенно новыхъ началахъ». Таковы общія положенія, провозглашенныя Овэномъ въ первомъ своемъ опытѣ. Въ нихъ ясно уже его безкорыстное стремленіе къ улучшенію положенія массъ народныхъ, ясно сочувствіе къ этой, въ то время униженной, забытой части общества. Несмотря на то, многіе не умѣли понять истинныхъ намѣреній Овэна, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что значительной долей временнаго успѣха своихъ идей въ первое время онъ былъ обязанъ именно тому, что его плохо поняли. Какъ скоро онъ высказался съ большей опредѣленностью, его немедленно всѣ оставили, и идеи его не только не возбуждали уже прежняго восторга, но даже поступили въ разрядъ вредныхъ и опасныхъ мечтаній. Для объясненія этого любопытнаго факта, надо припомнить положеніе англійскаго общества и общее движеніе идей въ первую четверть нынѣшняго столѣтія.

Въ концѣ XVIII вѣка въ промышленности Англіи произведенъ былъ переворотъ изобрѣтеніями Уатта и Эркрайта. Пока не было машинъ и все производилось руками, возможно было существованіе множества частныхъ ремесленниковъ, зарабатывавшихъ себѣ хлѣбъ своими трудами по одиночкѣ. Ихъ произведенія были тогда въ хорошей цѣнѣ, потому что, при ручной работѣ, производство никогда не могло достигать такихъ обширныхъ размѣровъ, какъ при существованіи машинъ. Усовершенствованный Эркрайтомъ механическій ткацкій станокъ и примѣненіе къ машинамъ парового двигателя, сдѣланное Уат-

томъ, дали совершенно новый видъ промышленности Англіи и всей Европы. Съ одной стороны—производительность фабричная страшно усилилась; хлопчатобумажное производство сдѣлалось одною изъ главныхъ отраслей промышленности Англіи. Среднее сословіе возвышалось въ своемъ значеніи и было уже въ состояніи тягаться съ землевладѣльческой аристократіей. Но, съ другой стороны—это-же самое распространеніе машинъ опредѣлило совершенно иначе прежнія отношенія средняго сословія къ работникамъ. При существованіи машинъ одиночная ручная работа перестала быть выгодною; мало-по-малу она совершенно была подорвана машиннымъ производствомъ, которое, при своей простотѣ и дешевизнѣ, давало производителямъ средство значительно понижать цѣну на товары. Большая часть ремесленниковъ не имѣли средствъ на то, чтобы завести у себя машины; для этого нужны были капиталы, которыхъ у нихъ не было. Духъ ассоціаціи не проникъ еще тогда въ промышленность, и оттого вскорѣ ремесленники очутились въ необходимости сдѣлаться наемниками у людей, имѣвшихъ средства пріобрѣтать машины и заводить обширныя фабрики. Сначала, пока машинъ было немного и совокупность ремесленниковъ могла выдерживать съ ними соперничество, положеніе работниковъ на фабрикахъ было очень сносно. Но соперничество не могло долго продолжаться; скоро работники въ избыткѣ стали являться на фабрики, не имѣя возможности кормиться произведеніями одиночной своей работы, сильно упавшими въ цѣнѣ. Тогда, разумѣется, заработная плата понизилась, и вскорѣ работники увидѣли себя въ совершенной зависимости отъ капиталистовъ, безъ всякихъ средствъ для противодѣйствія съ своей стороны. Положеніе ихъ было до того безпомощно и безвыходно, что возникшая вскорѣ конкурренція между капиталистами-промышленниками не только не послужила къ улучшенію положенія рабочаго класса, но даже сдѣлала его еще хуже. Конкурренція выражалась тѣмъ, что производство старались улучшить и удешевить. Такимъ образомъ, товары все упадали въ цѣнѣ, а сообразно съ тѣмъ понижалась и заработная плата. О томъ же, чтобы

привлечь къ себѣ работниковъ, предоставленіемъ имъ какихъ-нибудь преимуществъ, никто и не думалъ: объ этой дряни не стоило заботиться; капиталисты знали, что нужда заставитъ придти къ нимъ какихъ-нибудь работниковъ даже за самую ничтожную плату.

Кромѣ небрежности и лѣни, между всѣми работниками господствовало чувство непріязни и скрытнаго озлобленія противъ капиталистовъ-хозяевъ. Такое расположеніе рабочаго класса много вредило успѣшному ходу дѣлъ на фабрикѣ и еще болѣе внушало хозяевамъ какой-то неопредѣленный страхъ предъ недовольными массами. Они чувствовали, что безпощадная эксплуатація рабочихъ силъ можетъ имѣть конецъ не совсѣмъ пріятный для самихъ капиталистовъ; но, несмотря на это сознаніе, имъ никакъ не хотѣлось поступиться, даже временно, какою-нибудь частью своихъ барышей для увеличенія матеріальныхъ средствъ рабочаго класса. Имъ бы хотѣлось какъ-нибудь пріискать средство эксплуатировать работника такъ, чтобы имъ было отъ этого очень хорошо, а ему не было дурно. Надобно было изобрѣсти игру, въ которой бы всѣ играющіе оставались въ выигрышѣ. Такую именно игру увидѣли эти люди въ проектахъ Овэна, и въ этомъ заключается тайна его первыхъ успѣховъ въ среднемъ классѣ общества.

Но еще болѣе сочувствія встрѣтилъ Овэнъ въ государственныхъ людяхъ, въ аристократическихъ кругахъ Англіи и всей Европы. И тутъ было тоже недоразумѣніе. Англійская аристократія вступила въ антагонизмъ съ буржуазіей съ самаго начала сильнаго развитія промышленности Англіи. Съ одной стороны, была поземельная собственность и родовыя привилегіи, съ другой—капиталъ и индустріальныя стремленія. Но аристократія была ужасно встревожена демократическими тенденціями французской революціи и даже опасалась, чтобы что-нибудь подобное не повторилось и въ Англіи. Въ своей боязливой предусмотрительности, она не замѣтила, что опасность угрожаетъ ей совсѣмъ съ другой стороны, и заботилась всего болѣе о томъ, чтобы не допустить въ народъ якобинскихъ идей, за которыя считалось тогда всякое предъявленіе своихъ правъ лицами низшаго сословія. Принимая

такой принципъ въ отношеніи къ народу, аристократія поземельныхъ владѣльцевъ незамѣтно для себя самой помогала непомѣрному усиленію значенія промышленниковъ-капиталистовъ. Скоро сдѣлалось замѣтнымъ преобладаніе индустріальныхъ интересовъ предъ земледѣльческими: сельское населеніе переходило въ города, огромныя массы бѣднаго народа группировались въ промышленныхъ центрахъ, значеніе поземельной аристократіи падало, и коттонъ-лорды, владѣльцы большихъ хлопчатобумажныхъ фабрикъ, сдѣлались наконецъ опасными соперниками лэндъ-лордовъ, поземельныхъ владѣльцевъ. Не вдругъ поняли лэндъ-лорды весь смыслъ и послѣдствія для нихъ индустріальнаго развитія страны въ ущербъ благосостоянію низшихъ классовъ. Ихъ все ослѣплялъ и стращалъ кровавый призракъ французской революціи. Наконецъ, реставрація ихъ успокоила; они увидѣли, что народа бояться нечего, и вздумали дѣйствовать противъ буржуазіи. Торійское министерство до 1822 г. представляетъ рядъ стѣснительныхъ и обременительныхъ законовъ, имѣвшихъ цѣлью ограничить развитіе гражданской свободы преимущественно въ среднихъ классахъ. Ограниченія эти все-таки, разумѣется, не имѣли въ виду пользы народа; но аристократы и государственные люди сильно уже задумывались о томъ, какъ бы дисциплинировать массы и, давши имъ право на кусокъ хлѣба, сдѣлать за то послушными орудіями въ своихъ рукахъ. Не зная, какъ бы это сдѣлать безъ всякихъ пожертвованій и существенныхъ уступокъ съ своей стороны, государственные люди были пріятно поражены опытами и планами Овэна. Онъ не требовалъ никакихъ правительственныхъ реформъ, у него не находили крайнихъ демократическихъ принциповъ, которыхъ такъ страшились. Напротивъ, въ его общинѣ видѣли патріархальное устройство: онъ представлялся чѣмъ-то въ родѣ добродѣтельнаго праотца, въ своей особѣ соединявшаго всѣ гражданскія власти, а работники являлись его покорными дѣтьми, готовыми всѣмъ жертвовать для его пользы и спокойствія. Растолковавши себѣ такимъ образомъ положеніе Овэна, аристократы и государственные люди никакъ не хотѣли допустить мысли о томъ, что стремленія Овэна могутъ

быть совершенно безкорыстны. На его планы они тоже смотрѣли, какъ на игру, въ которой никто, можетъ быть, не останется въ большомъ проигрышѣ, а самый большой выигрышъ долженъ выпасть на ихъ долю.

Въ такомъ положеніи засталъ Овэнъ англійское общество, и не мудрено, что его идеи были приняты съ восторгомъ даже такими людьми, отъ которыхъ всего менѣе можно было ожидать какихъ-нибудь доброжелательныхъ расположеній къ народу. Преимущественно были въ ходу идеи Овэна отъ 1815 до 1830 г., когда во всей Европѣ проводились предначертанія Священнаго союза, а въ Англіи была во всей силѣ борьба буржуазіи съ аристократіей. Изъ всѣхъ партій, высказывавшихъ тогда наклонность къ непонятнымъ теоріямъ Овэна, едва-ли еще не искреннѣе всѣхъ были капиталисты-фабриканты, видѣвшіе въ этихъ теоріяхъ легкое средство получать съ фабрикъ болѣе барышей, безъ отягощенія и даже съ облегченіемъ участи рабочихъ. Они тѣмъ искреннѣе принимали мысли Овэна, что дѣйствительно въ это время чувствовали нужду въ поддержкѣ массъ для успѣха въ борьбѣ своей съ аристократіей. Такое колебаніе продолжалось у нихъ до самаго билля о реформѣ 1832 г., придавшаго имъ довольно прочное значеніе въ парламентѣ и тѣмъ обезпечившаго ихъ и со стороны аристократіи, и со стороны массъ работниковъ, о которыхъ, впрочемъ, на словахъ они и послѣ того не переставали заботиться. Что же касается до аристократической партіи—не только въ Англіи, но и въ цѣлой Европѣ—то она, въ отношеніи къ пониманію Овэна, была гораздо менѣе близка къ истинѣ, нежели партія промышленная. Овэнъ все представлялся имъ въ родѣ какого-то укротителя звѣрей, смирителя анархическихъ порывовъ, мудраго старца, на половину бургомистра и на половину школьнаго учителя,—и только. Они видѣли, что онъ желаетъ, чтобъ многочисленнѣйшій производительный классъ народа могъ жить мирно и спокойно, и за это они хвалили его: имъ тоже хотѣлось, чтобъ народъ жилъ мирно и спокойно. Но чего хочетъ Овэнъ отъ нихъ самихъ,—они этого и знать не хотѣли. Имъ вовсе не казалось нужнымъ вникнуть въ то, что для достиженія возмож-

наго благосостоянія массъ имъ нужно самимъ немножко побезпокоить себя и рѣшиться на нѣкоторыя пожертвованія. Это непріятное обстоятельство они отстранили отъ своего разсудка и, видя въ Овэнѣ только отличнаго укротителя и ловкаго организатора работниковъ, очень желали научиться его мудрости. Въ этихъ видахъ очень интересовался Овэномъ герцогъ Кентскій, братъ короля, нѣсколько разъ присутствовавшій на митингахъ Овэновой партіи и рекомендовавшій его идеи всей англійской аристократіи. Въ этихъ же видахъ покровительствовали теоріи Овэна и другіе прославленные люди того времени, столь-же мало понимавшіе всю чистоту его намѣреній. Въ 1818 г. онъ высказалъ нѣсколько опредѣленнѣе свои предположенія насчетъ рабочаго класса, въ двухъ «адресахъ», представленныхъ имъ: одинъ—монархамъ, собравшимся въ Ахенскомъ конгрессѣ, другой—всѣмъ европейскимъ правительствамъ. Онъ положительными фактами и цифрами доказывалъ здѣсь, что изобрѣтеніе механическихъ ткацкихъ станковъ и паровыхъ машинъ, въ 12 разъ увеличивши промышленную производительность Великобританіи, имѣло однако-же для рабочаго класса одно послѣдствіе—страшное увеличеніе бѣдности. Затѣмъ, онъ представлялъ очень ясные выводы, что если все пойдетъ и впередъ такъ-же, какъ шло доселѣ, то пролетаріатъ долженъ быстро усиливаться, и ему не помогутъ никакія частныя мѣры. Анализируя значеніе *таксы для бѣдныхъ*, Овэнъ утверждалъ, что она съ каждымъ годомъ должна увеличиваться, и что, наконецъ, общество должно будетъ насильственно отнять у бѣдныхъ большую часть прежняго вспоможенія (что и случилось). Для того, чтобы выйти изъ такого горестнаго положенія, возможно было, по мнѣнію Овэна, одно средство отказаться отъ огромныхъ, исключительно-мануфактурныхъ центровъ, служащихъ мѣстомъ игры громадныхъ капиталовъ и имѣющихъ развращающее, унижающее и разоряющее вліяніе на массу рабочаго населенія. Вмѣсто ихъ, Овэнъ предлагалъ завести небольшія общины, устроивши ихъ на основаніи выработанныхъ имъ началъ, въ видѣ промышленно-земледѣльческихъ ассоціацій. Этой радикальной мѣрой Овэнъ думалъ отвратить бѣдствіе пролетаріата,

избавивши массу населенія отъ необходимости отдавать свой трудъ въ распоряженіе богатыхъ спекуляторовъ. Въ подтвержденіе возможности успѣшнаго существованія такихъ общинъ, Овэнъ указывалъ на Нью-Лэнэркъ. Ахенскій конгрессъ слишкомъ былъ занятъ высшими государственными соображеніями, чтобы имѣть досугъ для разсмотрѣнія такого незначительнаго дѣла, какъ улучшеніе быта ремесленныхъ классовъ, и потому проекты Овэна остались безъ послѣдствій на конгрессѣ. Тѣмъ не менѣе, общее вниманіе высшихъ государственныхъ сановниковъ было благопріятно обращено на англійскаго филантропа. Самъ Меттернихъ не безъ похвалы отозвался о немъ, а король прусскій прислалъ ему золотую медаль. Въ Англіи тотъ же успѣхъ встрѣтилъ Овэна: его первое сочиненіе «Объ образованіи человѣческаго характера» — было теперь разослано къ разнымъ лордамъ, прелатамъ, членамъ палаты депутатовъ, во всѣ возможные университеты. Лордъ Сидмутъ оффиціально объявилъ Овэну, что правительство одобряетъ его идеи и постарается примѣнить ихъ, какъ только общество будетъ къ тому приготовлено. Все это совершилось въ пятилѣтіе, 1812—1817 г., и сами враги Овэна сознаются, что еслибъ онъ хотѣлъ въ это время воспользоваться общимъ энтузіазмомъ для своихъ личныхъ цѣлей, то могъ бы сдѣлать славную аферу. Спекуляціи на филантропію рѣдко бываютъ неудачны, а филантропическіе планы Овэна были такъ обширны и такъ успѣли зарекомендовать себя предъ цѣлой Европой, что даже, при самомъ добросовѣстномъ и человѣколюбивомъ мошенничествѣ, могли доставить много милліоновъ смѣтливому аферисту. Многіе ожидали, что Овэнъ воспользуется своимъ положеніемъ для собственныхъ выгодъ,—и всѣ ошиблись.

Съ 1818 г. начинается для Овэна жестокая борьба, вмѣсто того блестящаго тріумфа, какимъ онъ пользовался нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Борьба эта ведена была съ безукоризненной честностью и благородствомъ со стороны Овэна; но при всемъ томъ, нужно согласиться съ его противниками, что борьбу свою предпринялъ онъ совершенно безразсудно и въ продолженіе ея выказалъ много разъ свое наивное добродушіе. Этотъ чудакъ вздумалъ

преобразовать Англію, Европу, цѣлый міръ:—и въ чемъ же? въ дѣлѣ самомъ священномъ, самомъ миломъ для человѣческихъ сердецъ,—въ дѣлѣ личнаго интереса! Онъ хотѣлъ бездѣлицы: чтобъ лѣнтяи и плуты не имѣли возможности обогащаться на счетъ чужого труда, и чтобъ дураки не могли записывать въ преступники людей, несогласныхъ съ ихъ мнѣніями! И наивный упрямецъ никакъ не хотѣлъ убѣдиться, что подобное предпріятіе безумно, что тутъ никакого успѣха нельзя ожидать, и что вообще противъ интересовъ сильныхъ міра сего идти никогда не слѣдуетъ, «потому—сила»... Онъ не только ничего этого не хотѣлъ понять, но даже не хотѣлъ пользоваться и тѣми недоразумѣніями, которыя остались въ большей части его покровителей послѣ первыхъ его опытовъ. Увѣренный въ справедливости своихъ началъ, радуясь на свою Нью-Лэнэркскую фабрику и колонію, онъ сочинилъ, между прочимъ, слѣдующій, можетъ быть, и справедливый, но нѣсколько странный силлогизмъ: «что могло однажды образоваться и осуществиться въ логическихъ построеніяхъ мысли человѣка, то не можетъ уже быть признано невозможнымъ въ мірѣ и должно, рано или поздно, непремѣнно найти свое осуществленіе и въ фактахъ дѣйствительной жизни». Подкрѣпляемый такой мыслью, Овэнъ смѣло и открыто вступилъ въ борьбу за свои идеи, все болѣе и болѣе раскрывая ихъ предъ глазами противниковъ. И по мѣрѣ того, какъ онъ опредѣленнѣе и строже высказывалъ свои виды, исчезала его популярность. Въ продолженіе семи лѣтъ, 1817—1824, онъ не только не успѣлъ сдѣлать ничего существеннаго, но даже возстановилъ противъ себя всѣ партіи и почти напрасно истратилъ значительную часть своего состоянія, которое нажилъ до того хлопчатобумажной фабрикой.

Въ 1817 г. онъ оставилъ Нью-Лэнэркъ для того, чтобы искать себѣ болѣе обширный кругъ дѣятельности. Такъ какъ имя его пользовалось значеніемъ между членами парламента, то ему удалось провести вопросъ объ общемъ ограниченіи работы дѣтей на фабрикахъ. Согласно его убѣжденіямъ, рѣшено было, что дѣтямъ не работать болѣе десяти часовъ въ день и чтобы не поступать

на фабричную работу ранѣе 10 лѣтъ. Добившись этого, Овэнъ поднялъ вопросъ о воспитаніи и обученіи дѣтей рабочихъ классовъ. Тутъ постигло его первое пораженіе. Еще ранѣе этого дѣлались извѣстны мысли Овэна о началахъ воспитанія и возбудили негодованіе преимущественно въ высшемъ духовенствѣ Англіи. Выступивши на общественную дѣятельность, Овэнъ не думалъ прикрывать своихъ тенденцій, а, напротивъ, старался всячески распространить ихъ и растолковать какъ можно яснѣе всѣмъ и каждому. Для этого онъ писалъ множество журнальныхъ статей, сочинялъ воззванія и манифесты, обращенные ко всѣмъ классамъ общества, печаталъ безчисленное множество статеекъ (tracts), которыя раздавались всѣмъ даромъ на улицахъ... Издержки его на пропаганду этого рода высчитываются до милліона франковъ. При такой громадной *гласности*, о которой такъ хлопоталъ самъ Овэнъ, трудно было кому-нибудь оставаться въ ослѣпленіи насчетъ его плановъ. И вотъ—клерикальная партія поднялась первая. Полная терпимость и не вмѣшательство школы въ дѣло религіознаго обученія, провозглашенныя Овэномъ, подали поводъ къ нападенію. Затѣмъ, были объявлены еретическими и безнравственными многія мнѣнія Овэна объ образованіи человѣческаго характера, приведенныя нами выше. Утверждали, что своимъ ученіемъ объ обстоятельствахъ, Овэнъ подрываетъ всѣ начала нравственности и снимаетъ съ человѣка всю отвѣтственность за его поступки. Нѣкоторые доходили до того, что видѣли въ Овэнѣ послѣдователя пелагіанской ереси. Овэну собственно не было никакого дѣла до теоретическихъ началъ, принимаемыхъ разными сектами; онъ ко всѣмъ имъ былъ одинаково равнодушенъ. Но ему очень важно было вліяніе обученія, предположеннаго имъ, на перевоспитаніе будущаго человѣчества, и потому онъ никакъ не хотѣлъ допустить—ни того, чтобы разногласія сектъ вторгались въ мирное святилище его школы, ни того, чтобъ одна изъ сектъ исключительно владѣла религіознымъ обученіемъ, насильно связавши такимъ образомъ совѣсть дѣтей нравственными путями. Высказываясь все съ большей рѣшительностью, Овэнъ, наконецъ, прямо обвинилъ все клерикальное напра-

вленіе въ безсиліи и пустотѣ за то, что оно, толкуя о нравственности и добротѣ, на дѣлѣ оказывалось слугою сильныхъ міра и не заботилось о томъ, чтобъ извлечь изъ бездны нищеты и разврата милліоны людей, погибавшихъ подъ гнетомъ своихъ притѣснителей. Это обвиненіе вызвало громы противъ Овэна. Онъ принужденъ былъ отступиться отъ своихъ требованій по вопросу объ обученіи.

Въ это самое время умеръ герцогъ Кентскій, бывшій искреннѣе другихъ аристократовъ, расположенныхъ къ Овэну. Послѣ смерти его и послѣ достаточнаго раскрытія теорій Овэна, аристократія значительно охладѣла къ нему. Такимъ образомъ, въ двухъ самыхъ сильныхъ въ Англіи классахъ общества Овэнъ не могъ надѣяться ни на какую поддержку.

Оставалось ему примкнуть къ одной изъ политическихъ партій, и всѣхъ ближе къ его стремленіямъ были радикалы. Но и тутъ Овэнъ не умѣлъ заставить себя польстить имъ. Въ это время шли сильные толки о реформѣ *гнилыхъ мѣстечекъ*, отъ которой радикалы ждали совершеннаго обновленія общества. Овэнъ въ простотѣ души имѣлъ смѣлость объяснить имъ, что замышляемыя ими мѣры вовсе не такъ важны, что онѣ даже недостаточны, и что отъ нихъ весьма мало будетъ толку для благосостоянія народныхъ массъ. Радикалы вознегодовали и лишили Овэна своего довѣрія. Прямодушіе и рѣшительность и тутъ повредили наивному чудаку.

Видя, что теорія принимается плохо, Овэнъ рѣшился опять дѣлать пропаганду фактами. Съ этой цѣлью онъ, между прочимъ, открылъ подписку на утвержденіе новой колоніи, и первый самъ подписалъ 500 фунтовъ стерл. Черезъ нѣсколько времени составилась довольно значительная сумма, на которую было куплено въ Шотландіи, въ Мотервилѣ, 500 акровъ земли, и сдѣланы были первыя приготовленія для заведенія колоніи... Не довольствуясь Шотландіей и Англіей, Овэнъ отправился въ Ирландію, чтобъ и тамъ возбудить общее участіе къ жалкой участи несчастныхъ простолюдиновъ. Въ Дублинѣ три раза составлялъ онъ собранія, подъ предсѣдательствомъ лордъ-мэра, въ которыхъ положено было основаніе филантропи-

ческому обществу, окончательно организовавшемуся нѣсколько позже. Въ это же время удалось ему учредить въ Лондонѣ *кооперативное общество* (Cooperative society), которое черезъ нѣсколько лѣтъ чрезвычайно расширилось, но сначала все-таки не удовлетворяло Овэна. Ему тяжело было встрѣчать безпрерывныя ограниченія и стѣсненія своихъ стремленій; онъ хотѣлъ болѣе простора для своей дѣятельности и, недовольный Европою, сталъ помышлять о поѣздкѣ въ Америку. Въ 1824 г. онъ дѣйствительно отправился туда, съ намѣреніемъ основать тамъ колонію наподобіе Нью-Лэнэрка.

Прибывши въ Сѣверную Америку, Овэнъ вскорѣ нашелъ очень удобное мѣсто для своихъ опытовъ. Въ Индіанскомъ округѣ Соединенныхъ Штатовъ, на берегахъ рѣки Вэбаша, существовала уже съ 1803 г. колонія такъ-называемыхъ *гармонистовъ*, представлявшая собою родъ религіозной секты, съ суровыми, почти аскетическими правилами, подъ управленіемъ нѣмца Раппа. Колонія эта, равно какъ и самая мѣстность, называлась Гармонія. Тутъ же, поблизости, нашелъ удобное мѣсто для своего предполагаемаго поселенія и Овэнъ. Онъ пріобрѣлъ здѣсь деревеньку, въ которой могло поселиться до 2.000 душъ, а при ней—30.000 акровъ земли. Сдѣлавши покупку земли, Овэнъ отправился въ Вашингтонъ, имѣлъ свиданіе съ президентомъ и получилъ дозволеніе изложить свои мнѣнія и предположенія предъ конгрессомъ. Съ обычною простотою и свободою представилъ онъ конгрессу свои намѣренія и былъ выслушанъ съ чрезвычайною внимательностью и уваженіемъ. Предоставляя полный просторъ для всякой пропаганды, Соединенные Штаты не воздвигали противъ Овэна такихъ оффиціальныхъ препятствій, какія встрѣтилъ онъ въ Англіи. Поэтому, заявивши всенародно и открыто свои убѣжденія, онъ свободно могъ предаться своимъ идеямъ и стремиться къ осуществленію своихъ замысловъ. Въ скоромъ времени около него сгруппировалась масса людей, изъявившихъ полное сочувствіе къ его принципамъ. Новая колонія, названная Овэномъ Нью-Гармоніи, наполнилась поселенцами. Поселенцы эти представляли замѣчательное разнообразіе въ своихъ идеяхъ, по-

бужденіяхъ, степени развитія, въ характерѣ, знаніи, даже въ вѣрѣ и національности. Одно только было обще всѣмъ, или почти всѣмъ: *бѣдность*. Богачи и люди достаточные не откликнулись на призывы Овэна, и это было уже не совсѣмъ хорошимъ признакомъ для реформатора. Это подавало поводъ подозрѣвать, что къ нему присоединяются болѣе изъ корыстныхъ видовъ, нежели по чистому убѣжденію. И подозрѣніе оказалось въ самомъ дѣлѣ справедливымъ. Изъ толпы, собравшейся къ Овэну, очень немного было людей истинно порядочныхъ. Большая часть шла съ тѣмъ, чтобы пожить безъ нужды и безъ заботъ, на счетъ благотворителя, наивно мечтающаго о всеобщемъ благоденствіи. Такимъ образомъ, уже съ самаго начала Нью-Гармони находилась въ положеніи, гораздо болѣе затруднительномъ и неблагопріятномъ для плановъ Овэна, чѣмъ каково было положеніе Нью-Лэнэрка. Тамъ реформы Овэна произошли совершенно естественно изъ предшествующаго порядка дѣлъ на фабрикѣ; тамъ не люди пришли къ нимъ, а онѣ были приложены къ людямъ; тамъ сами люди это понимали, что ихъ трудомъ и честностью должна обезпечиваться для хозяина возможность продолжать для нихъ свои благодѣтельныя мѣры. Здѣсь ничего подобнаго не было: здѣсь люди шли на кличъ къ Овэну, приступали къ нему съ надеждами и требованіями, а онъ давалъ имъ обѣщаніе и какъ бы обязательство въ томъ, что они будутъ благополучны подъ его руководствомъ. Очевидна вся невыгода положенія, въ какое поставилъ себя Овэнъ въ виду этой толпы грубыхъ, невѣжественныхъ и развращенныхъ нищихъ, изъ какихъ состояло большинство людей, собравшихся въ Нью-Гармони. Если бы Овэнъ имѣлъ менѣе энтузіазма къ своимъ идеямъ и болѣе осторожности, то онъ самъ, конечно, при самомъ началѣ своей новой колоніи понялъ бы, что тутъ нельзя ожидать полной удачи. Но онъ такъ вѣрилъ въ могущество своихъ принциповъ, что даже при самыхъ дурныхъ шансахъ не могъ отказаться отъ попытки. Онъ принялся за дѣло организаціи новой общины, и нужно еще удивляться, какъ много успѣлъ онъ сдѣлать при обстоятельствахъ, столь неблагопріятныхъ. Вотъ нѣсколько строкъ

о Нью-Гармони изъ Луи Рейбо, который очень не долюбливаетъ идеи Овэна и старается изобразить ихъ не только химерическими, но даже отчасти и вредными. Несмотря на свое глубокое убѣжденіе, что попытка Нью-Гармони была совершеннѣйшая чепуха и ни при какихъ условіяхъ не могла удаться, онъ не можетъ, однакоже, не сознаться въ слѣдующемъ: «нельзя, впрочемъ, не отдать Овэну справедливости въ томъ, что онъ и здѣсь по возможности умѣлъ возобновить и продолжать благодѣтельныя учрежденія Нью-Лэнэрка. Дѣти, составлявшія главную надежду Овэна, обращали на себя особенное его вниманіе. У него были усовершенствованы всѣ методы воспитанія, и онъ умѣлъ отъ юношей добиться того, къ чему напрасно старался пріучить людей зрѣлыхъ лѣтъ,—дружной и старательной земледѣльческой работы. Въ главномъ центрѣ колоніи учреждены были общества земледѣлія и механическихъ искусствъ, и горсть порядочныхъ людей, послѣдовавшихъ Овэну, принялась по его внушеніямъ образовывать и смягчать грубость этого, почти дикаго, населенія. Здѣсь давали балы, концерты, вечера; самыя низкія работы перемѣшивали съ занятіями самыми деликатными. Такъ, напримѣръ, убравши коровій хлѣвъ, молодыя женщины садились у себя за фортепьяно, что не мало занимало герцога Саксенъ-Веймарскаго, когда онъ посѣтилъ Нью-Гармони. Придуманъ былъ особенный костюмъ, для всѣхъ одинаковый: для женщинъ—платья нѣсколько античнаго покроя, для мужчинъ—греческія туники и широкія шаровары. Сколько было возможно, Овэнъ старался отучить своихъ колонистовъ отъ тысячи условныхъ тонкостей, которыя наше тщеславіе внесло въ нашу общественную жизнь, и которыхъ корень кроется, отчасти въ привычкахъ всѣхъ вообще, отчасти же и въ претензіяхъ немногихъ. Помѣщеніе было одинаково у всѣхъ расположено и меблировано; одежда была однобразна, пища—общая всѣмъ». Сдѣлавши это описаніе, Рейбо заключаетъ, что община Овэна, можетъ быть, и могла бы существовать съ успѣхомъ, если бы въ ней не было «рокового принципа общинности», т. е., если бы она была устроена не на тѣхъ началахъ, на которыхъ дѣйствительно

устроена.—«Но Овэнъ, желая составить *человѣческую* общину, требовалъ для нея ангельскаго населенія», остроумно замѣчаетъ Рейбо, забывая, что Овэнъ именно отличался отсутствіемъ всякой требовательности въ отношеніи къ людямъ, вступавшимъ въ его общину. Людей, сдѣлавшихся полускотами, онъ хотѣлъ сдѣлать полными людьми, и не разъ это удавалось ему. Онъ полагалъ, что можетъ всѣхъ людей возвратить къ жизни истинно-человѣческой, не ангельской и не скотской,—и въ этомъ самонадѣянномъ мнѣніи была огромная ошибка. Онъ вѣрилъ, напримѣръ, въ то, что человѣкъ здоровый и обезпеченный въ необходимыхъ потребностяхъ жизни, не станетъ лежать на боку, брезговать работой и поѣдать плоды чужихъ трудовъ; ему казалось, что всѣмъ людямъ очень легко внушить понятіе о полной солидарности ихъ правъ и обязанностей, и что легко провести эту солидарность во всей практической дѣятельности общины. Судя по себѣ и по нѣкоторымъ избраннымъ натурамъ, Овэнъ думалъ, что трудъ самъ въ себѣ заключаетъ много привлекательности, и что жизнь на чужой счетъ тяжела и отвратительна *для всякаго* человѣка. Это уже было, разумѣется, дѣтски-ошибочно. Правда, въ членахъ своей общины Овэнъ успѣвалъ обыкновенно пробудить сознаніе въ справедливости его началъ; но отъ сознанія еще слишкомъ далеко до практической дѣятельности. Не клочекъ земли, не мѣсяцы и не годы нужны были для того, чтобы пересоздать общественныя привычки. Все производя изъ обстоятельствъ, Овэнъ надѣялся, что привычки эти легко будутъ забыты при новой общественной обстановкѣ, созданной имъ. Но и тутъ онъ слишкомъ легковѣренъ и самонадѣянъ: онъ выступилъ на борьбу съ цѣлымъ свѣтомъ, противопоставляя свои, вновь изобрѣтенныя, условія жизни тѣмъ всемірнымъ условіямъ, которыми до того опредѣлялась жизнь человѣческая. Онъ считалъ нелѣпыми всѣ эти условія; но онъ самъ былъ нелѣпъ, воображая, что эти освященныя вѣками нелѣпости можно разрушить экспромтомъ. Еще можно бы имѣть нѣкоторые шансы на успѣхъ, предлагая замѣнить эти нелѣпости другими, равномѣрно безсмысленными; но чего же могъ надѣяться общественный реформаторъ, во-

піявшій противъ нелѣпостей—даже и не во имя высшихъ туманныхъ абстракцій, а просто во имя здраваго смысла, во имя первыхъ насущныхъ потребностей здоровой человѣческой природы?..

Овэнъ самъ замѣтилъ свою опрометчивость, когда увидѣлъ, что въ Нью-Гармони образовалась ватага лѣнтяевъ, старавшихся только воспользоваться преимуществами общинной жизни и отклонить отъ себя всѣ труды и обязанности. Работы въ Нью-Гармони вообще пошли очень дурно; оказался большой дефицитъ въ приходахъ противъ расходовъ, и Овэнъ, признавшись, что «характеры еще мало приготовлены для его системы», счелъ за лучшее опять обратиться къ теоріи и пропагандѣ. Въ Сѣверной Америкѣ ученіе его распространилось очень быстро, и въ 1827 г. считалось уже до 30 общинъ, основанныхъ по началамъ его системы. Многое изъ нея было принято и въ маленькихъ религіозныхъ общинахъ, подобныхъ «Гармоніи» Раппа. Но въ то же время воздвигалась противъ него и вражда партій. На первомъ планѣ явилась, разумѣется, и здѣсь—партія клерикальная. Овэну пришлось выдержать ожесточенную борьбу съ однимъ фанатикомъ-методистомъ, Кэмпбелемъ, который путешествовалъ по Соединеннымъ Штатамъ, проповѣдуя крестовый походъ противъ Овэна и его послѣдователей. Проповѣди этой Овэнъ не боялся, но ему непріятно было встрѣтить и здѣсь то же ожесточеніе противъ себя, какое видѣлъ онъ въ Европѣ. Всего же болѣе огорчало его то, что въ Нью-Гармони чрезвычайно слабо принимались его идеи. Онъ нетерпѣливо желалъ произвести въ своей общинѣ братство и трудолюбіе и принужденъ былъ видѣть лѣнь, эгоизмъ и разъединеніе, постоянно противившіеся всѣмъ его усиліямъ. Надѣясь, что время поможетъ упроченію его системы, Овэнъ рѣшился между тѣмъ употребить свое время и труды на поприщѣ болѣе обширномъ. Оставивши управленіе Нью-Гармонійской колоніей и отказавшись отъ всякаго права на вознагражденіе за свои капиталы, затраченные на эту общину, Овэнъ отправился въ Европу, чтобы тамъ распространять свое ученіе.

Въ Европу призывало Овэна и сильное сочувствіе,

выраженное многими образованными людьми къ его идеямъ. Возвратившись въ Англію, Овэнъ нашелъ, что основанное имъ кооперативное общество чрезвычайно дѣятельно и энергично стремилось къ распространенію и осуществленію его теорій. Въ Дублинѣ, Брайтонѣ, Ливерпулѣ, Гласговѣ, Эдинбургѣ, Бирмингамѣ, Манчестерѣ и другихъ городахъ учреждены были секціи этого общества. Повсюду готовились публичныя собранія его послѣдователей, повсюду въ комитетахъ изыскивали средства пропаганды. Въ Лондонѣ Овэнъ нашелъ митингъ изъ 2.000 человѣкъ, сочувствовавшихъ начинаніямъ общества. Основанъ былъ журналъ «Cooperative Magazine», посвященный исключительно распространенію, разъясненію о защитѣ доктринъ, принятыхъ обществомъ. Наконецъ, въ большей части членовъ общества замѣчалось горячее желаніе осуществить въ новой реальной попыткѣ теоріи, проповѣданныя Овэномъ. Почти въ каждомъ изъ частныхъ собраній общества предлагалась подписка на основаніе новой колоніи на началахъ, выработанныхъ въ теоріи Овэна. Одна такая колонія дѣйствительно и была основана въ Орбистонѣ, селеніи близъ Эдинбурга, на земляхъ господина Гамильтона, бывшаго однимъ изъ главныхъ подписчиковъ на учрежденіе колоніи въ Мотервиллѣ. Управленіе этой общиной ввѣрено было Абраму Комбу, одному изъ замѣчательныхъ послѣдователей ученія Овэна. Комбъ сдѣлалъ въ Орбистонѣ нѣкоторыя отступленія отъ чистообщиннаго начала, принятаго Овэномъ. Въ Орбистонѣ, кромѣ арендаторовъ, пользовавшихся общинными владѣніями, допущены были и собственники, и даже дозволено одному и тому же лицу быть и арендаторомъ общины, и въ то же время имѣть свою собственность. Этой уступкою Комбъ думалъ примирить капиталистовъ съ возможностью принять общинное начало. Но само собою разумѣется, что подобная уступка была слишкомъ жалка и ничтожна дла капиталистовъ и вообще для людей зажиточныхъ. Въ Орбистонскую общину, такъ точно, какъ и въ Нью-Гармони, столпились бѣдняки, желавшіе только пользоваться удобствами ея. Здѣсь нашли они готовое помѣщеніе,—опрятные домики, фермы, огороды, сады, по которымъ не безъ пріятности можно было прогули-

ваться, и они были очень довольны и дѣйствительно прогуливались, не отказывая, между прочимъ, и въ своей благодарности тому, кто все это устроилъ. Но работали они лѣниво, говоря, что ежели убивать себя надъ работой, такъ и вездѣ можно жить довольно сносно, а что Овэновскія общины тѣмъ-то и должны отличаться, чтобы въ нихъ безъ всякаго труда можно было жить въ свое удовольствіе. Попробовали этимъ людямъ говорить о нравственномъ совершенствованіи: они пришли въ недоумѣніе. Имъ казалось, что они и такъ достаточно хороши и нравственны, и они объявили, что нравственнѣе быть не желаютъ. Съ такимъ народомъ сладить было довольно трудно; но Комбъ смѣло пошелъ навстрѣчу всѣмъ затрудненіямъ. Съ необыкновеннымъ терпѣніемъ и изумительнымъ тактомъ принялся онъ за исправленіе нравственнаго характера Орбистонскихъ поселенцевъ, и труды его увѣнчались подъ конецъ его жизни значительнымъ успѣхомъ. Въ колоніи водворилась тишина и взаимная услужливость: мужчины сдѣлались трезвыми и дѣятельными, женщины стали стыдиться сплетенъ и также принялись за дѣло; во всемъ населеніи проявилась любовь къ труду и доброму порядку въ жизни. Производительность мастерскихъ Орбистонской колоніи значительно усилилась, и Комбъ уже не сомнѣвался, что въ Орбистонѣ скоро повторится то же, что представлялъ собою Нью-Лэнэркъ при Овэнѣ. Но въ 1827 г. Комбъ умеръ, и съ его смертью разстроилось все дѣло, которое онъ умѣлъ вести съ такимъ успѣхомъ.

Посѣтивши многія мѣстности Англіи, въ которыхъ были собранія его послѣдователей, произнесши нѣсколько публичныхъ рѣчей, напечатавши нѣсколько статей, Овэнъ во второй разъ отправился въ Америку, чтобы и тамъ продолжать свое дѣло. Здѣсь посѣтилъ онъ Нью-Гармони и нашелъ здѣсь, вмѣсто общиннаго поселенія, обыкновенное учрежденіе, въ которомъ работники забраны были въ руки людьми, имѣвшими въ своихъ рукахъ капиталы, и гдѣ господствовали—обычное недовольство рабочихъ и обычное угнетеніе состороны капиталистовъ. Видя, что тутъ уже дѣла нельзя поправить, Овэнъ обратился въ другое мѣсто. Мексиканское правительсто предложило ему для

его поселеній Тэхасъ. Начались переговоры; но когда Овэнъ объявилъ непремѣннымъ условіемъ совершенную свободу совѣсти и религіознаго обученія, духовенство и тутъ возстало на него и еще разъ помѣшало его намѣреніямъ. Въ 1829 г. Овэнъ опять возвратился въ Англію.

На этотъ разъ онъ явился вовсе не во-время. Борьба средняго сословія съ аристократіей явно склонялась уже въ пользу перваго. Парламентская реформа была уже рѣшена въ общественномъ мнѣніи; коттонъ-лорды принимали на себя представительство рабочихъ массъ, и всякая попытка эмансипаціи работниковъ казалась имъ враждебною и опасною для ихъ политическаго значенія. Поэтому, общество очень холодно встрѣтило теперь пропаганду Овэна, и съ 1830 г. онъ является уже почти исключительно въ союзѣ съ работниками; его имя стоитъ во главѣ нѣкоторыхъ предпріятій, въ которыхъ рабочее сословіе вступало въ борьбу съ своими хозяевами. Самъ онъ не могъ теперь начинать большихъ предпріятій, потому что огромное состояніе его было большей частью растрачено въ прежнихъ попыткахъ разнаго рода, частью-же передано дѣтямъ. Теперь Овэну оставались только пропаганда и личное участіе въ судьбѣ рабочаго класса. И въ этомъ отношеніи онъ былъ неутомимъ. Онъ путешествовалъ изъ города въ городъ съ своей пропагандой, останавливаясь преимущественно въ мѣстахъ, служившихъ центрами промышленнаго движенія—въ Манчестерѣ, Ливерпулѣ, Бирмингамѣ, Глазговѣ, и пр. Въ 1834 г. ему пришлось, между прочимъ, играть важную, но весьма неблагодарную роль въ дѣлѣ возстанія работниковъ въ Лондонѣ. Возстаніе это было продолженіемъ и отчасти слѣдствіемъ волненія, происшедшаго передъ тѣмъ въ Манчестерѣ, и строгаго суда надъ тамошними работниками. Сто тысячъ человѣкъ поднялись и пошли къ Сентъ-Джемскому дворцу, со значками каждаго ремесленнаго цеха. Овэнъ въ этомъ случаѣ принялъ на себя переговоры съ правительствомъ. Уговоривши работниковъ быть спокойнѣе и выражать только разумныя требованія, съ соблюденіемъ полнаго уваженія къ порядку и законности, онъ явился въ Сентъ-Джемсъ, чтобы изложить передъ правительствомъ справедливыя желанія и

жалобы рабочаго класса. Но министры не умѣли оцѣнить умѣренность и благородство его представленій; Овэнъ являлся передъ ними въ качествѣ ходатая за народъ, и этого въ ихъ глазахъ было достаточно, чтобы принять его свысока и непріязненно и не уважить его представленій. Ничего не добившись, воротился Овэнъ къ толпѣ, ожидавшей результата его переговоровъ, и былъ ею принятъ тоже неласково, какъ человѣкъ, на котораго пало подозрѣніе въ доброхотствѣ правительству... Такимъ образомъ, его добродушіе и любовь къ справедливости послужили только поводомъ къ обвиненію его чуть не въ измѣнѣ съ той и другой стороны...

Общественное мнѣніе высшихъ классовъ все болѣе и болѣе вооружалось противъ Овэна, по мѣрѣ того, какъ предъ всѣми прояснялась и доказывалась его приверженность къ дѣлу рабочихъ въ ихъ борьбѣ съ монополіями капитала. Между прочимъ, много нареканій навлекло на него одно предпріятіе, въ которомъ онъ не игралъ почти никакой роли, но гдѣ его имя было пущено въ ходъ, даже безъ всякаго права. Это былъ заговоръ работниковъ противъ хозяевъ, съ цѣлью заставить ихъ возвысить заработную плату. Рѣшено было, что если хозяева не сдѣлаютъ прибавки, то работники должны отказаться отъ работы на неопредѣленное время. Составлена была подписка, и для поддержки ремесленниковъ, отошедшихъ отъ хозяевъ, собрано было до 40.000 фунтовъ стерл. (около 250.000 р. с.). Въ общемъ собраніи бросили жребій, кому начинать борьбу; жребій палъ на портныхъ, особенно многочисленныхъ въ Лондонѣ. Портные потребовали отъ хозяевъ возвышенія задѣльной платы и, получивъ отказъ, бросили работу. Въ теченіе мѣсяца они получали хорошее содержаніе изъ общей кассы, но на другой мѣсяцъ она истощилась,—а хозяева и не думали смиряться передъ работниками. Сдѣланъ былъ заемъ для рабочихъ, въ надеждѣ, что—вотъ скоро хозяева попросятъ мира. Но прошелъ и еще мѣсяцъ, а хозяева не сдавались. Послѣднія средства общества истощились, и работникамъ самимъ пришлось идти на поклонъ. Всей этой исторіей воспользовались недоброжелатели Овэна для того, чтобы осмѣять и

очернить его, хотя онъ даже съ самаго начала предпріятія не совсѣмъ одобрялъ его.

Болѣе серьезное и дѣйствительное участіе принималъ Овэнъ въ предпріятіи, которое образовалось подъ именемъ «Правильнаго обмѣна народнаго труда» (National labour equitable exchange). Начала этого предпріятія были очень просты: работники должны были получать за свой трудъ квитанціи, съ означеніемъ въ нихъ количества рабочихъ часовъ, въ которые они занимались у хозяина. Эти квитанціи могли потомъ служить вмѣсто монеты при покупкѣ работниками разныхъ продуктовъ. Напр., портной, покупая сапоги, давалъ сапожнику извѣстное *количество рабочихъ часовъ* своихъ, сапожникъ, покупая хлѣбъ, могъ дать булочнику квитанцію своихъ рабочихъ часовъ или передать квитанцію, полученную отъ портного, и т. д. Осуществленіе этой мысли сильно занимало Овэна, и онъ придумалъ даже родъ кредитныхъ билетовъ, въ которыхъ счетъ составлялся не рублями, а часами работы. Нѣсколько позднѣе, то же самое предлагалось во Франціи, въ «Banque d'échange», придуманномъ Прудономъ. Въ послѣднее время сами экономисты склоняются нѣсколько къ этой мысли. Но при началѣ предпріятія Овэна на него накинулись всѣ, какъ на сумасброда, называли его безпокойнымъ мечтателемъ, смѣялись надъ ребяческой неосновательностью его затѣй, и т. п. Въ Лондонѣ ему рѣшительно житья не было. Онъ удалился въ Манчестеръ.

Въ Манчестерѣ нѣсколько лѣтъ уже предъ тѣмъ существовало между работниками дружеское общество, имѣвшее цѣлью—взаимное вспомоществованіе и круговую поддержку другъ друга. Довольно долгое время составлялся въ кругу рабочихъ общинный капиталъ, отлагавшійся изъ ихъ же доходовъ. Овэнъ, явившись въ Манчестеръ, сдѣлался руководителемъ и главнымъ двигателемъ всѣхъ дѣйствій общества. Подъ его вліяніемъ, кругъ общества значительно расширился, капиталъ увеличился, много замѣчательныхъ людей приняли участіе въ дѣлахъ манчестерскихъ работниковъ; наконецъ, дружеское общество работниковъ превратилось въ «Союзъ людей всѣхъ классовъ и націй» (Association of all classes, of all nations), связанный

единствомъ идей и стремленій. Въ скоромъ времени, Манчестеръ сдѣлался главнымъ мѣстомъ соединенія и дѣятельности послѣдователей Овэна. Здѣсь постоянно составлялись собранія и митинги овэнистовъ, здѣсь издавалось нѣсколько журналовъ, старавшихся проводить его идеи. Даже главный журналъ Овэна «New moral World», начатый въ Лондонѣ, продолжался потомъ въ Манчестерѣ. Овэнъ очень дѣятельно участвовалъ въ этомъ журналѣ, такъ что почти не появлялось ни одного нумера, въ которомъ не было бы его статьи или хотя бы коротенькой замѣтки. Кромѣ того, онъ писалъ въ это время и сочиненія болѣе обширныя, которыя, равно какъ и прежнія свои статьи, раздавалъ даромъ. Изъ нихъ замѣчательнѣе другихъ были: «Чтенія о новомъ общественномъ устройствѣ»; «Опытъ объ образованіи человѣческаго характера»; «Шесть чтеній въ Манчестерѣ»; «Планъ разумной системы»; «Книга новаго нравственаго міра». «Въ Манчестерскихъ чтеніяхъ» представляется теологическій споръ Овэна съ Робакомъ, очень и сильно и бойко нападавшимъ на его принципы въ отношеніи къ религіи. Кромѣ самого Овэна, въ его духѣ писали въ это время—Абрамъ Комбъ, Алленъ, Томпсонъ, Джемсъ Бреби и др. Отъ многихъ изъ своихъ *будто бы послѣдователей* Овэнъ, впрочемъ, самъ отрекался.

Въ 1838 г. Овэнъ совершилъ поѣздку во Францію. Здѣсь встрѣтилъ онъ особенное участіе со стороны гг. Жюля Ге, доктора Эвра и г. Радигеля. При посредствѣ ихъ онъ добился дозволенія два раза говорить въ Атенеѣ, изложилъ свои общіе принципы, свои планы и надежды, и успѣлъ возбудить нѣкоторое сочувствіе. По крайней мѣрѣ, съ этихъ поръ французское образованное общество обратилось къ чтенію и изученію его произведеній, которыя до того времени знало только по слухамъ.

Возвратившись въ Англію, Овэнъ въ 1839 г., съ горстью приверженцевъ, оставшихся вѣрными его идеямъ, предпринялъ-было еще попытку основать колонію въ духѣ тѣхъ же началъ, какъ были основаны Нью-Лэнэркъ, Нью-Гармони и Орбистонъ. Собрана была довольно заначительная сумма, и въ Соутэмптонѣ положено начало колоніи, названной Гармони-Голль. Но всѣ условія были слишкомъ

неблагопріятны на этотъ разъ, и въ 1845 г. все предпріятіе рушилось.

Въ послѣдніе годы своей жизни Овэнъ ограничился почти исключительно теоретической пропагандой своихъ идей. Въ 1840 г. произошло одно обстоятельство, по поводу котораго опять шумно заговорили и долго шумѣли объ Овэнѣ. Королева Викторія пожелала говорить съ Овэномъ и узнать его систему; черезъ посредство лорда Мельбурна онъ былъ ей представленъ. По этому случаю поднялись страшные крики со стороны оппозиціи въ парламентѣ и со стороны высшаго духовенства Англіи, котораго представителемъ явился теперь епископъ экзетерскій, Фильпотъ. Нападали и на Овэна, и на министра, объявляя фактъ представленія Овэна королевѣ какъ что-то безсмысленное и чудовищное. Нападенія ихъ вызвали со стороны Овэна протестацію, которая явилась подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Манифестъ Роберта Овэна, изобрѣтателя и основателя системы разумнаго общества». Высказывая свои общія воззрѣнія, Овэнъ сообщаетъ и здѣсь нѣкоторые факты своей дѣятельности. Неизъяснимо-милое добродушіе и спокойствіе господствуетъ въ этомъ «Манифестѣ», и тѣмъ сильнѣе поражаетъ насъ смѣлость и широта воззрѣній, высказанныхъ въ немъ съ такой простотою. «Манифестъ» этотъ не длиненъ, и мы рѣшаемся представить его читателямъ, чтобы дать понятіе о характерѣ воззрѣній и о самомъ способѣ выраженій Овэна. Не забудемъ, что это произведеніе полемическое, и вотъ какъ Овэнъ ведетъ свою полемику:

«Манифестъ Роберта Овэна, основателя системы разумнаго общества».

«I. Система общественнаго устройства, господствовавшая до нашего времени, имѣетъ своимъ источникомъ призрачныя понятія, которыя произошли отъ первобытнаго, грубаго состоянія человѣческаго ума, лишеннаго основательныхъ знаній.

«II. Всѣ внѣшнія обстоятельства, управляющія міромъ, суть произведенія человѣка и носятъ на себѣ отпе-

чатокъ этихъ первобытныхъ, несовершенныхъ понятій.

«III. Опытъ съ очевидностью доказываетъ всякому тщательному и мыслящему наблюдателю плачевную ложность этихъ первоначальныхъ, грубыхъ понятій. Въ предшествующіе вѣка, которые справедливо можно назвать неразумнымъ періодомъ человѣчества, человѣкъ былъ ими обманутъ на счетъ своей собственной натуры и доведенъ до того, что сталъ самымъ непослѣдовательнымъ и несовершеннымъ изъ всѣхъ существъ.

«IV. Исторія человѣчества неотразимо доказываетъ неразвитость доселѣ человѣческаго ума, и каждая изъ ея страницъ подтверждаетъ въ подробностяхъ, какъ безумны и безтолковы были его стремленія.

«V. Исторія доселѣ была только рядомъ войнъ, убійствъ, грабежей, безконечныхъ раздѣленій, взаимныхъ противодѣйствій разныхъ сторонъ другъ другу въ достиженіи состоянія мирнаго и счастливаго; въ исторіи былъ доселѣ тотъ періодъ, когда *всѣ были во враждѣ съ каждымъ, и каждый—во враждѣ со всѣми*, принципъ, удивительно приспособленный къ тому, чтобы произвести какъ можно больше зла и какъ можно меньше счастья.

«VI. Всѣ учрежденія, господствовавшія въ мірѣ, прямо вытекаютъ изъ этихъ первоначальныхъ, грубыхъ и ужасныхъ заблужденій нашихъ предковъ.

«VII. Вмѣсто этой системы глубокаго невѣжества, принуждающей человѣка дѣлаться съ дѣтства, по уму и по образу дѣйствій, существомъ неразумнымъ, непослѣдовательнымъ и неспособнымъ понимать самыя нелѣпыя свои ошибки, я предлагаю нынѣ всѣмъ народамъ міра другую систему общественнаго устройства. Это система совершенно новая, основанная на началахъ, выведенныхъ изъ неизмѣнныхъ фактовъ, находящаяся въ полной гармоніи съ законами природы. Это система, въ которой *каждому обезпечивается общее содѣйствіе всѣхъ, и всѣмъ содѣйствіе каждаго*,—принципъ удивительно удобный для того, чтобы произвести какъ можно больше добра, и какъ можно меньше несчастій.

«VIII. Я предлагаю систему человѣческой жизни, во всѣхъ отношеніяхъ противоположную системѣ прошедшей

и настоящей,—систему, которая произведетъ *новый умъ и новую волю* во всемъ человѣчествѣ и каждаго, съ неотразимою необходимостью, приведетъ къ послѣдовательности, разумности, здравому мышленію и здравымъ поступкамъ.

«IX. Эта новая система откроетъ людямъ глаза на прошедшее и настоящее развращеніе человѣческаго рода, на безуміе и ложность нашихъ учрежденій, на настоятельную потребность измѣнить всѣ эти внѣшнія обстоятельства и принять другія учрежденія, основанныя на дознанныхъ фактахъ и сообразныя съ нашей натурой. По этимъ послѣднимъ признакамъ всякій человѣкъ можетъ отличить истину отъ лжи.

«X. Въ этой системѣ столько силы, что она, и только она одна можетъ положить конецъ человѣческому невѣжеству; остановить возрастаніе пауперизма и отвратить возможность его возобновленія; уничтожить всѣ суевѣрія, господствующія надъ міромъ, и удалить всѣ причины разъединенія людей, какъ на дѣлѣ, такъ и во взаимныхъ расположеніяхъ; произвести неисчерпаемое обиліе во всемъ, что необходимо для жизни и для удовольствія человѣка, и сдѣлать для него произвольный трудъ болѣе легкимъ и пріятнымъ.

«XI. Система эта не признана, но она столь могущественна, что въ самый тотъ годъ, когда ее примутъ, она произведетъ на землѣ болѣе благосостоянія, наслажденій и нравственности, нежели сколько старая система могла произвесть въ теченіе вѣковъ, и сколько она еще произведетъ въ будущемъ, какъ бы долго она ни существовала.

«XII. Эта система такъ различна отъ нынѣшней, и въ теоріи, и въ практикѣ, и во всемъ своемъ характерѣ, что она произведетъ свои реформы спокойно, тихо, послѣдовательно и въ такомъ порядкѣ, что никто не потерпитъ ни малѣйшаго ущерба въ своихъ интересахъ нравственныхъ и вещественныхъ, а напротивъ, всякій найдетъ въ ней удовлетвореніе и благо для себя, во всякомъ мѣстѣ, во всякомъ народѣ.

«XIII. Мало того, щадя ошибки прежняго общественнаго быта и не желая ни въ чемъ оскорблять совѣсти, новая система устроитъ дѣло такъ, что старыя суевѣрія

всякаго народа умрутъ своею естественною смертью, съ возможно меньшимъ неудобствомъ для личностей, которыхъ существованіе съ ними связано, и съ возможно-большей пощадой человѣческихъ слабостей.

«XIV. Такъ какъ эти двѣ системы совершенно противоположны, то ясно, что сліяніе между ними невозможно ни въ какомъ случаѣ, даже тогда, когда одна изъ нихъ исчезнетъ въ другой. Старая система основана на заблужденіи и не можетъ защищать себя иначе, какъ съ помощью увертокъ и лжи. Новая система основана на истинѣ и не допуститъ никакого обмана—ни въ общественной, ни въ частной жизни, ни между отдѣльными личностями, ни между народами.

«XV. Основатель новой системы былъ въ первый періодъ своей жизни промышленникомъ, самъ велъ дѣла, распоряжался, пріобрѣлъ опытность, и онъ изъ своихъ знаній и опыта извлекъ положенія, основанныя на естественныхъ свойствахъ нашей природы и вполнѣ имъ соотвѣтственныя.

«XVI. Эти новыя положенія такъ необыкновенны, что въ ихъ сочетаніи для *всего* человѣчества заключается, при той же суммѣ труда, во сто разъ болѣе выгодъ, нежели сколько старая система давала *кому-нибудь* изъ людей. И эти неслыханные доселѣ планы, эти соображенія, долженствующія произвести новый нравственный міръ и дать человѣку разумный характеръ, готовы подвергнуться критическому разсмотрѣнію самыхъ ученыхъ, самыхъ практическихъ, самыхъ опытныхъ людей, въ четырехъ существеннѣйшихъ отрасляхъ человѣческой жизни, т. е.: 1) въ производствѣ, 2) въ распредѣленіи богатствъ, 3) въ образованіи человѣческаго характера съ дѣтства, 4) въ установленіи мѣстнаго и общаго управленія.

«XVII. Новая нравственная система не можетъ имѣть дѣла съ старою безнравственною системою иначе, какъ только для того, чтобы привести ее къ полнѣйшему, мирному уничтоженію. И паденіе людей, которые считали для себя выгоднымъ поддерживать старый порядокъ вещей, доказываетъ, что часъ совершеннаго преобразованія уже пробилъ.

«XVIII. Вниманіе народовъ, въ видахъ ихъ собствен-

наго благоденствія, обращено уже на этотъ важный предметъ, интересный для всѣхъ живущихъ, и для тѣхъ, которые еще будутъ жить.

«XIX. Основатель этой системы, уже около полувѣка работающій надъ ея усовершенствованіемъ, проситъ себѣ позволенія говорить въ обѣихъ палатахъ не только для того, чтобы вступить въ борьбу съ противниками, которые его не понимаютъ, но и затѣмъ, чтобы развернуть передъ глазами всего міра безмѣрныя выгоды его ученія.

«XX. *Центральный совѣтъ*, составляющій исполнительную власть всеобщаго и общиннаго товарищества разумной системы, также проситъ слова въ обѣихъ палатахъ, чтобы опровергнуть чудовищныя клеветы, разсѣянныя въ странѣ и письменно, и словесно разными противниками нашими, которые считали выгоднымъ для себя нападать на нашу реформу».

«Основатель *разумной системы* осуществилъ уже, впрочемъ, нѣкоторую долю своихъ намѣреній и далъ міру маленькое понятіе о томъ, что можетъ онъ совершить на пользу человѣческихъ обществъ.

1) «Своимъ примѣромъ, своими сочиненіями, рѣчами, ходатайствомъ предъ различными законодателями,—онъ добился *улучшенія участи дѣтей,* работающихъ на англійскихъ фабрикахъ по требованіямъ ненавистной системы производства, истощающей цѣлыя поколѣнія и представляющей самое варварское явленіе въ этомъ мірѣ, имѣющемъ претензію считать себя цивилизованнымъ (см. парламентскія засѣданія 1816—1818 г.).

2) «Онъ придумалъ и учредилъ, сообразно съ началами разумной системы общества, *дѣтскія школы*, въ которыхъ новая высшая, система внѣшней обстановки, дѣйствуя на образованіе юныхъ характеровъ, производила въ нихъ привычки и наклонности мирно-благожелательныя и одушевляла ихъ любовью ко всѣмъ. Въ этихъ школахъ сообщались дѣтямъ только положительныя и вѣрныя знанія, въ дружескихъ разговорахъ учениковъ съ наставниками, посвященными въ тайну познанія человѣческой природы. (См. сочиненіе «Объ образованіи человѣческаго ха-

рактера» и адресъ 1816 г., относительно образованія новыхъ учрежденій для воспитанія человѣческаго характера).

3) «Въ 1816 г., онъ далъ г. Фальку, голландскому посланнику, проектъ уничтоженія нищенства посредствомъ заведенія пріютовъ для бѣдныхъ и предоставленія имъ общественныхъ работъ. Г. Фалькъ одобрилъ этотъ проектъ и представилъ его своему правительству, которое въ слѣдующемъ году дѣйствительно и учредило «Колонію бѣдныхъ голландцевъ» и «Благотворительное общество». Въ этомъ почетномъ обществѣ Фрэнсисъ, герцогъ Бедфордъ, и основатель разумной системы—единственные, кажется, почетные члены изъ англичанъ. Авторъ предварительно представлялъ свой проектъ кабинету лорда Ливерпуля, и безъ сомнѣнія онъ бы согласился на опытъ, если бы въ совѣтахъ правительства, при всемъ ихъ чисто-мірскомъ характерѣ, не преобладало вліяніе клерикальное. А если бы планъ этотъ принятъ былъ въ тѣхъ размѣрахъ, какъ авторъ представлялъ правительству, то бѣдные и рабочіе классы съ тѣхъ поръ уже значительно поднялись бы и были бы употреблены съ пользою. Болѣе милліона фунтовъ стерлинговъ напрасныхъ издержекъ было бы сбережено, взамѣнъ того получилось бы болѣе ста милліоновъ дохода, произведеннаго новою, правильно организованною промышленностью. Не нужно было бы требовать билля объ измѣненіи закона относительно таксы для бѣдныхъ; не было бы въ Англіи и Ирландіи народонаселенія, умирающаго съ голоду; не слышно было бы жалобъ столькихъ несчастныхъ, и чартизмъ не существовалъ бы. (Въ подтвержденіе этого см. рапортъ Овэна о законѣ насчетъ бѣдныхъ, представленный коммиссіи, бывшей подъ предсѣдательствомъ г. Стерджеса Берна).

4) «Въ томъ же 1815 г. основатель *разумной системы общества* представилъ прусскому посланнику, барону Якоби, планъ новой системы народнаго воспитанія и подробное изложеніе здравыхъ началъ общаго управленія. Въ возмездіе за это открытіе, основатель системы получилъ черезъ того же посланника собственноручное письмо короля прусскаго, въ которомъ онъ благодарилъ автора и выказывалъ такое сочувствіе къ его системѣ, что изъявилъ намѣреніе поручить своему министру внутреннихъ

дѣлъ—примѣнить ее во всѣхъ прусскихъ областяхъ, гдѣ только будетъ возможно. И въ самомъ дѣлѣ,—въ слѣдующемъ году новая система народнаго воспитанія была уже въ силѣ въ Пруссіи. (См. соч. «Объ образованіи человѣческаго характера», изданіе первое и послѣдующія).

5) «Основатель разумной системы дѣятельно помогалъ Беллю и Ланкастеру въ утвержденіи ихъ плановъ воспитанія. Онъ давалъ первому, въ нѣсколько разъ, болѣе тысячи фунтовъ стерл. «Національному комитету» доктора Белля онъ далъ 500 фунтовъ и предлагалъ подписать 1.000, если эти народныя школы будутъ открыты, для всѣхъ дѣтей, безъ различія сословій и религій. О предложеніи этомъ спорили въ комитетѣ два дня, и оно было отвергнуто весьма ничтожнымъ большинствомъ голосовъ. (См. протоколы комитета).

6) «Въ 1816 и 1817 г. Овэнъ посѣтилъ замѣчательнѣйшихъ передовыхъ людей Франціи, Швейцаріи и части Германіи. Товарищами его въ дорогѣ были, между прочимъ, Кювье и Пиктетъ. Въ это время онъ былъ представленъ герцогомъ Кентскимъ герцогу Орлеанскому, нынѣшнему (1840 г.) французскому королю. Онъ посѣтилъ также замѣчательнѣйшія воспитательныя заведенія материка, особенно Фалленберга и Песталоцци, получая изъ устъ государственныхъ людей, законодателей, наставниковъ—такія свѣдѣнія, какія только могли быть сообщены лучшими умами того времени.

7) «Въ 1822 и 1823 г. Овэнъ поднялъ въ Ирландіи вопросъ о народномъ воспитаніи и объ употребленіи нищихъ на фабричныя работы. Здѣсь онъ былъ принятъ католическими и протестантскими епископами, главными аристократами и самыми образованными людьми этой страны. Онъ собиралъ нѣсколько многочисленныхъ и оживленныхъ митинговъ въ Дублинѣ, и взялся представить обѣимъ палатамъ прошенія, говорившія въ пользу *разумной системы*. Значительныя, хотя, впрочемъ, все-таки недостаточныя, суммы были также подписаны здѣсь, въ видахъ осуществленія предположенныхъ плановъ. (См. отчетъ объ этихъ митингахъ, напечатанный немного спустя послѣ отъѣзда Овэна изъ Дублина).

8) «Въ 1824 г. Овэнъ отправился въ Соединенные Штаты, посѣтилъ тамъ всѣхъ, бывшихъ тогда въ живыхъ, президентовъ, собралъ о многихъ политическихъ, административныхъ и соціальныхъ вопросахъ мнѣнія столь отличныхъ и опытныхъ людей, какъ Джонъ Адамсъ, Джефферсонъ, Монро, Джонъ Квинси Адамсъ. Онъ толковалъ съ членами высшаго судилища; два раза былъ выслушанъ въ конгрессѣ и получилъ со всѣхъ сторонъ благодаренія за свои указанія, заслужившія общее одобреніе. Потомъ онъ развилъ свои идеи въ главнѣйшихъ городахъ Союза и въ двухъ своихъ путешествіяхъ входилъ въ сношенія со всѣми замѣчательнѣйшими людьми Штатовъ.

9) «Въ 1828 г. Овэнъ явился въ Мексикѣ, съ намѣреніемъ оффиціально принять на себя управленіе Тэхасомъ, чтобы предотвратить бѣдствія, которыхъ театромъ сдѣлалась съ тѣхъ поръ эта провинція. Онъ представилъ на этотъ счетъ мексиканскому правительству записку, составленную имъ въ Европѣ и предварительно сообщенную посланникамъ значительнѣйшихъ державъ американскихъ. Поддерживаемый ими и опираясь на рекомендацію Веллингтона предъ англійскимъ посланникомъ въ Мексикѣ, лордомъ Пакенгамомъ, Овэнъ вошелъ въ переговоры. Самъ лордъ Пакенгамъ взялся изложить его планы въ оффиціальной конференціи; онъ представилъ въ высшей степени похвальный отзывъ—и о методѣ Овэна, и о его личности, и о качествахъ, дѣлавшихъ его вполнѣ способнымъ къ выполненію предположеннаго дѣла. Президентъ отвѣчалъ, что мексиканское правительство серьезно разсмотритъ это дѣло, и что жаль только того, что управленіе Тэхасомъ не прямо зависитъ отъ Мексики. Потомъ онъ присовокупилъ: «если г. Овэнъ желаетъ взять на себя управленіе территоріей, гораздо болѣе обширной, мы можемъ ему предложить область, лежащую между Тихимъ океаномъ и мексиканскимъ заливомъ и образующую, въ большей своей части, границу между Мексиканскимъ союзомъ и Соединенными Штатами». При этомъ великодушномъ предложеніи гг. Пакенгамъ и Овэнъ не могли удержать своего изумленія. Впрочемъ, когда начались объясненія, Овэнъ предварительно потребовалъ, чтобы его провинціи предоставлена

была полная религіозная свобода. Президентъ отвѣчалъ, что это условіе можетъ служить помѣхою, такъ какъ въ Мексикѣ господствуетъ католическое исповѣданіе,—но что онъ представитъ конгрессу предложеніе о введеніи въ Мексикѣ вѣротерпимости, подобно Соединеннымъ Штатамъ. «На этихъ основаніяхъ,—сказалъ тогда Овэнъ,—я соглашаюсь; какъ скоро законъ будетъ принятъ, я примусь за мои правительственныя распоряженія». Въ остальное время своего пребыванія въ Мексикѣ Овэнъ былъ представленъ высшимъ правительственнымъ лицамъ страны и, въ Вера-Крусѣ, имѣлъ нѣсколько свиданій съ генераломъ Санта-Анною, высказавшимъ живѣйшее сочувствіе къ его проектамъ общественныхъ улучшеній. Овэнъ отправился изъ Вера-Круса на военномъ десяти-пушечномъ бригѣ, присланномъ изъ Ямайки, чтобы отвезти его въ Новый-Орлеанъ.

10) «Въ своихъ путешествіяхъ Овэнъ могъ убѣдиться, сколько несогласій и гибельныхъ антипатій существовало между Соединенными Штатами и Англіей. Онъ понялъ, что дѣло можетъ дойти до того, что Штаты заключатъ союзъ съ сѣверными державами, враждебными Англіи. Овэнъ хотѣлъ попытаться—сдѣлать эти отношенія болѣе доброжелательными и искренними. Онъ отправился въ Вашингтонъ, представилъ г. Ванъ-Бюрену, тогдашнему министру, какъ противны были здравой политикѣ отношенія двухъ державъ, и въ конференціяхъ, продолжившихся десять дней, вопросъ былъ совершенно разъясненъ между двумя посредниками. Представили дѣло тогдашнему президенту Джексону, который одобрилъ содержаніе и исходъ переговоровъ и изъявилъ свое согласіе на открытіе дружественныхъ сношеній между двумя державами. Онъ пожелалъ видѣть Овэна, пригласилъ его на обѣдъ, и тутъ согласились, что Американскій Союзъ приметъ съ этихъ поръ новую политику, доброжелательную Великобританіи, если только эта послѣдняя приметъ тоже направленіе и проникнется тѣмъ же примирительнымъ духомъ. Съ этой увѣренностью Овэнъ отправился въ Европу. Едва прибывши въ Лондонъ, онъ представился лорду Абердину, далъ ему отчетъ во всемъ, что произошло, и получилъ отъ него увѣреніе, что отнынѣ установятся наилучшія отношенія между Англіей и

Сѣверо-Американскими Штатами. Конфиденціальныя письма и депеши указали англійскимъ посланникамъ въ Америкѣ—сообразоваться во всемъ по этому дѣлу съ совѣтами Овэна. Дѣло пошло хорошо и было окончено къ обоюдному удовольствію. Овэнъ формально настаивалъ на необходимости порѣшить со всѣми маленькими разногласіями въ частностяхъ,—и очень жаль, что тогда не воспользовались этимъ случаемъ для того, чтобы положительно опредѣлить границы со стороны Канады. По поводу этихъ переговоровъ одинъ изъ принцевъ Мюратовъ сказалъ въ одной книгѣ, изданной въ Соединенныхъ Штатахъ, что Овэнъ обманулъ американское правительство. Овэнъ, конечно, давно бы отвѣтилъ на это обвиненіе, если бы его зналъ. Молодой Мюратъ былъ вовлеченъ въ ошибку: Овэнъ никого не обманывалъ. Ему пріятно объявить теперь, что ни одно правительство въ мірѣ не могло бы вести себя съ большимъ достоинствомъ и благородствомъ, чѣмъ Соединенные Штаты въ этомъ случаѣ, и что, съ другой стороны, онъ долженъ воздать величайшую похвалу и дѣйствіямъ англійскаго министерства, преимущественно же лордовъ Ливерпуля и Веллингтона. Онъ считаетъ однако нужнымъ замѣтить здѣсь, что недавно этотъ достоуважаемый генералъ отказался представить одну его просьбу палатѣ лордовъ и даже не хотѣлъ выслушать его объясненій,—что впрочемъ, нужно приписать только вліянію нѣкоторыхъ лицъ, *не хотящихъ понять и оцѣнить* планы *разумнаго общества* (Достовѣрность изложенныхъ здѣсь фактовъ могутъ засвидѣтельствовать: генералъ Джексонъ, президентъ Ванъ-Бюренъ, графъ Абердинъ, генералъ Санта-Анна и мн. др.).

11) «Видя, что мексиканское правительство не можетъ хорошенько уладить религіозный вопросъ, въ границахъ, предположенныхъ Овэномъ, и понимая, что положеніе Мексики не представляло достаточныхъ гарантій для спокойнаго и послѣдовательнаго осуществленія его идей, Овэнъ отказался отъ общинныхъ опытовъ въ чужихъ странахъ и обратился къ своей родинѣ, которая нуждалась въ его преобразованіяхъ не менѣе или еще больше, чѣмъ всякая другая страна. Поэтому онъ употребилъ послѣднія десять

лѣтъ на распространеніе въ англійскомъ народонаселеніи здравыхъ понятій и на приготовленіе его къ той мирной реформѣ, которую теперь онъ въ состояніи возвѣстить міру. Такимъ образомъ, значительная часть рабочаго класса въ Англіи имѣетъ гораздо болѣе, нежели въ другихъ странахъ, здравыя понятія о всѣхъ вопросахъ, касающихся ихъ обезпеченія и благосостоянія. Черезъ нѣсколько лѣтъ результаты эти будутъ еще очевиднѣе, потому что тогда еще лучше узнаютъ на самомъ дѣлѣ истину, чистоту и всю важность новаго ученія. Робертъ Овэнъ посѣтилъ также въ недавнее время нѣкоторыя изъ старыхъ государствъ Европы, чтобы приготовить ихъ къ измѣненіямъ, которыя становятся неизбѣжными, при развитіи истинныхъ понятій въ рабочихъ классахъ. Уже 22 г. тому назадъ, Овэнъ предвидѣлъ этотъ результатъ; теперь онъ приблизился,—и никто уже не можетъ сомнѣваться въ его значеніи.

«Въ тотъ самый періодъ времени Робертъ Овэнъ написалъ и издалъ первую изъ семи частей «Книги новаго нравственнаго міра», долженствующей заключать въ себѣ изложеніе науки о природѣ человѣка. Такой книги доселѣ недоставало человѣчеству, и авторъ будетъ ее защищать противъ всѣхъ, которые сочтутъ своимъ долгомъ или найдутъ выгоднымъ нападать на нее.

«Изданіе этой книги сопровождалось появленіемъ множества другихъ произведеній Овэна, разсуждавшихъ о различныхъ предметахъ,—о религіи, о бракѣ, о личной собственности, о народномъ воспитаніи, о занятіяхъ работниковъ; за этими произведеніями, если ихъ хорошо поймутъ, признано будетъ великое значеніе, не только для Англіи, но и для всего остальнаго міра.

«Но, сверхъ всего этого, Робертъ Овэнъ оказалъ неоцѣненную услугу открытіемъ и обнародованіемъ новой, разумной системы общества и религіи,—дѣло, котораго развитіе теперь уже невозможно остановить. Это—система болѣе благодѣтельная, чѣмъ всѣ ложныя и отвлеченныя системы, бывшія до сихъ поръ,—система истинная, доброжелательная для всѣхъ, выгодная всѣмъ и каждому, долженствующая обезпечить благоденствіе и миръ вселенной. Міръ былъ еще въ невѣдѣніи на счетъ этой системы, но

достоуважаемый епископъ экзетерскій позаботился дать ей самую громкую гласность, изложивши ее въ палатѣ лордовъ *).

«Вотъ вкратцѣ изложеніе части того, что сдѣлано Овэномъ для состарѣвшагося, одряхлѣвшаго, безнравственнаго міра. Но это ничего не значитъ въ сравненіи съ тѣмъ, что замышлено имъ для того, чтобы исторгнуть человѣка изъ нищеты, раздоровъ, униженій, пороковъ и бѣдствій.

«Теперь одно слово на счетъ моего представленія ея величеству королевѣ. Я спрашиваю, кому изъ насъ троихъ всего болѣе чести принесло это свиданіе? Тому-ли старику семидесяти лѣтъ, который болѣе полувѣка искалъ пріобрѣтенія рѣдкой между людьми мудрости, съ одной цѣлью приложить ее къ облегченію бѣдствій несчастныхъ, и который, въ видахъ осуществленія своихъ плановъ, позволилъ даже нарядить себя какъ обезьяну и склонить колѣно передъ молодой дѣвицей,—прекрасной, конечно, но вовсе неопытной? Или министру, который заставилъ этого старика подвергнуться этимъ формамъ этикета, и потомъ въ рѣчи, полной нелѣпостей, почти отрекся отъ всего этого дѣла, котораго былъ двигателемъ, и которое нѣкогда будетъ, можетъ быть, считаться лучшимъ и важнѣйшимъ дѣломъ его управленія? Или, наконецъ,—этой молодой дѣвушкѣ, предъ которой преклонялъ колѣни семидесятилѣтній старецъ?.. Что касается до меня, то я не считаю за честь быть представленнымъ никакому человѣческому существу, каково бы оно ни было.

«Двадцать два года тому въ адресѣ моемъ, представленномъ черезъ лорда Кастельрэ европейскимъ монархамъ, собравшимся на Ахенскомъ конгрессѣ, я объявилъ, что въ моихъ проектахъ и дѣйствіяхъ я совершенно чуждъ всякаго желанія какихъ-нибудь почестей и привилегій, на которыя всегда смотрѣлъ, какъ на дѣтскія побрякушки или мелочи, достойныя людей суетныхъ и малодушныхъ.

«Однако же глава нынѣшней оппозиціи въ палатѣ депутатовъ счелъ важнымъ преступленіемъ мое предста-

---

*) Это намекъ на тѣ нападенія, какія дѣлалъ на систему Овэна въ палатѣ епископъ экзетерскій.

вленіе ея величеству и воспользовался имъ, какъ оружіемъ противъ министра, который это дѣло устроилъ.

«Неужели нынѣшній сэръ Робертъ Пиль могъ поднять это волненіе серьезно и не краснѣя?

«Развѣ позабылъ онъ, что старый Робертъ Пиль, отецъ его, въ продолженіе многихъ лѣтъ былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ со мной и считалъ полезнымъ добиваться предъ палатою депутатовъ осуществленія моихъ идей и принятія,—хотя со множествомъ искаженій,—моего билля о работѣ дѣтей на фабрикахъ?

«Старый Робертъ Пиль былъ человѣкъ практическій, старавшійся найти себѣ опору не въ пустыхъ словахъ, а въ предметахъ существенно полезныхъ и плодотворныхъ. Онъ былъ опытный человѣкъ, серьезно и добросовѣстно взвѣшивавшій и обсуждавшій мысли, которыя представлялись его разсмотрѣнію. Я спрашиваю теперь у почтеннаго предводителя отчаянной оппозиціи, возставшей теперь въ палатѣ депутатовъ,—помнитъ-ли онъ мой визитъ достоуважаемому отцу его, сдѣланный передъ однимъ изъ моихъ путешествій въ Соединенные Штаты, въ то время, когда онъ, нынѣшній сэръ Робертъ Пиль, членъ кабинета лорда Ливерпуля,—находился въ фамильномъ своемъ мѣстопребываніи, въ Дрейтонъ-Голлѣ? Если онъ не забылъ этого, то долженъ вспомнить и то, что я тогда привозилъ съ собою около двухсотъ плановъ и рисунковъ, относящихся къ новой системѣ организаціи общества. Я ихъ назначалъ для президента Соединенныхъ Штатовъ, въ комнатахъ котораго они и были потомъ выставлены, и можетъ быть и теперь еще тамъ находятся. Сэръ Робертъ-Пиль-отецъ посвятилъ много часовъ на разсмотрѣніе этой единственной въ мірѣ коллекціи, въ которой я раскрывалъ средства совершенно передѣлать внѣшнія обстоятельства, опредѣляющія характеръ человѣка, и доставить будущимъ поколѣніямъ гораздо болѣе благородное употребленіе ихъ силъ и гораздо обильнѣйшій источникъ наслажденій. Долго разбиралъ и изучалъ онъ предметъ въ самой его сущности, средства осуществленія, научныя данныя, которыми опредѣлялась общая гармонія и великое значеніе всей совокупности моей системы, и послѣ этого строгаго раз-

смотрѣнія онъ нѣсколько минутъ оставался въ безмолвномъ изумленіи, а затѣмъ сказалъ вотъ какія слова, замѣчательныя по ихъ глубинѣ и справедливости: «Г. Овэнъ,—сказалъ онъ мнѣ,—во всемъ королевствѣ не найдется четырехъ человѣкъ, которыхъ образованіе было бы достаточно обширно и разнообразно, чтобы оцѣнить значеніе столь великихъ соображеній; но если бы было много людей, которые могли бы понять васъ такъ, какъ я,—то они тотчасъ признали бы, что измѣненіе, предположенное вами, можетъ произвести гораздо болѣе, нежели сколько вы сами можете обѣщать». Затѣмъ онъ прибавилъ: «мой сынъ Робертъ теперь здѣсь. По всей вѣроятности, онъ не пойметъ вашихъ соображеній, потому что не имѣлъ еще случая заниматься изученіемъ подобныхъ предметовъ. Но останьтесь у насъ до завтра. Вы увидите его за обѣдомъ, и мы попробуемъ нѣсколько затронуть его умъ, раскрывши предъ нимъ ваши проекты». Я остался, исполняя просьбу достойнаго баронета; но мнѣ и тогда не трудно было замѣнить, что сэръ Робертъ Пиль нынѣшній вовсе не имѣлъ ни нужныхъ свѣдѣній, ни опытности для того, чтобы обнять предметъ, бывшій не по силамъ его разумѣнія. Я свидѣтельствую глубокое мое уваженіе ко всей этой фамиліи; но мнѣ грустно видѣть, до какой степени политическія предубѣжденія искажаютъ самыя блестящія достоинства.

«Что касается достопочтеннаго прелата экзетерскаго и его рѣчи, произнесенной на прошлой недѣлѣ въ палатѣ лордовъ, то я считаю себя въ правѣ заключить, что ему еще нужнѣе выразумѣть хорошенько тѣ *заблужденія, безнравственности и хулы,* противъ которыхъ онъ гремѣлъ такъ продолжительно. Я убѣжденъ, что самый послѣдній изъ многихъ тысячъ мальчиковъ, учащихся въ моихъ школахъ, объяснитъ все это гораздо удовлетворительнѣе и разумнѣе, нежели этотъ благородный лордъ въ полномъ собраніи парламента.

«Но, серьезно размысливши обо всемъ этомъ, я пришелъ къ тому, что сказалъ себѣ: почтенный виконтъ, государственный министръ, почтенный предводитель оппозиціи въ нижней палатѣ и достопочтенный прелатъ экзетерскій—имѣютъ каждый свой характеръ, сложившійся особен-

нымъ образомъ и насильственно увлекающій ихъ, отчего ихъ заблужденія становятся невольными, неизбѣжными и, слѣдовательно, достойными состраданія, а не брани. Разумная любовь и религія, которыя нѣкоторымъ образомъ дремали во мнѣ при чтеніи рѣчей этихъ благородныхъ господъ, теперь вновь заговорили во мнѣ со всей своей силой и чистотой. Поэтому я забываю и прощаю все, что они могли сказать. Мнѣ кажется, что ихъ старая общественная система не должна имъ внушать столь же прямодушной и искренней любви въ отношеніи ко мнѣ, и это обстоятельство еще болѣе увеличиваетъ мое состраданіе къ нимъ».

«Облегчивши мое сердце отъ этихъ мелочей, я перехожу къ размышленіямъ болѣе серьезнымъ и важнымъ.

«Нѣкоторыя лица въ англійскомъ парламентѣ предлагали—преслѣдовать и наказывать нѣсколькихъ послѣдователей *разумной системы* общества. Правда сказать,—въ этомъ было бы очень мало разумнаго.

«Я—изобрѣтатель, основатель и открытый проповѣдникъ этой системы и всѣхъ заблужденій, безнравственностей и хуленій, которыя она содержитъ (если только можно найти въ ней хоть тѣнь чего-нибудь подобнаго). Я одинъ ея виновникъ, и, слѣдовательно, меня одного нужно (если ужъ нужно) преслѣдовать и казнить за всѣ гадости, какія въ ней могутъ скрываться. Я готовъ доказать первому министру королевы, что разумная система и разумная религія въ томъ видѣ, какъ я ихъ преподавалъ, вовсе не суть нелѣпости; главѣ оппозиціи я готовъ доказать, что система эта возвѣщаетъ истины чрезвычайно важныя и полезныя; наконецъ, достопочтенному епископу экзетерскому я докажу, что разумная система, возвѣщенная мною міру, содержитъ несравненно менѣе безнравственности и безразсудства, чѣмъ сколько было ихъ во всѣхъ безчисленныхъ ученіяхъ, столь долго связывавшихъ и унижавшихъ человѣчество.

«Если бы тѣ, которые стоятъ во главѣ управленія нашей страной, имѣли нѣсколько мудрости, то, видя, что умы заняты этимъ предметомъ во всѣхъ странахъ міра,

они выбрали бы людей образованныхъ, опытныхъ и практическихъ, умѣющихъ понимать самое дѣло, а не одни слова,—и поручили бы имъ тщательно и всесторонне разсмотрѣть всю мою систему для того, чтобы сначала они, а потомъ и весь міръ—могли получить точное и вѣрное понятіе объ этомъ открытіи, которое должно произвести счастье на землѣ не только для настоящихъ, но и для будущихъ поколѣній.

«При такомъ разумномъ образѣ дѣйствія, открыто и всенародно будетъ повѣдано міру все, что есть ложнаго въ моей системѣ,—если найдется въ ней что-нибудь ложное,—равно какъ указано будетъ для пользы общества и на то, что въ ней есть истиннаго и добраго,—если въ ней окажется что-нибудь истинное и доброе.

«Требуя этой мѣры, я имѣю въ виду не личную свою выгоду. Съ самаго начала моего поприща, когда я не имѣлъ никакой опоры,—я не боялся, единственно въ интересахъ самой истины, входить въ противорѣчіе съ самыми закоренѣлыми предразсудками предшествующихъ вѣковъ. Уже съ тѣхъ поръ я приготовился и къ денежнымъ штрафамъ, и къ тюремнымъ заключеніямъ, и къ самой смерти—даже на эшафотѣ. И что могутъ значить всѣ подобныя непріятности для человѣка, который весь проникнутъ однимъ желаніемъ—быть полезнымъ человѣчеству? Но, вмѣсто штрафовъ, заточеній и безславнаго конца, я, напротивъ, встрѣтилъ сочувствіе и любовь человѣчества; я прожилъ жизнь свою мирно и безъ шума, счастливый самимъ собою и своимъ семействомъ. Фамилія Овэна, какъ въ Нью-Лэнэркѣ, въ Шотландіи, такъ и въ Нью-Гармони, въ Америкѣ, была одною изъ самыхъ счастливыхъ по сю и по ту сторону Атлантическаго океана. Правда, что я весь излишекъ моего состоянія, до послѣдняго шиллинга, посвящалъ на пропаганду моего великаго и прекраснаго дѣла, такъ какъ деньги не безполезны были въ содѣйствіи его успѣхамъ; но достопочтенный прелатъ совершенно ошибается, когда утверждаетъ, что я потерялъ мое состояніе въ роскоши и мотовствѣ. Ни одного фунта стерлинговъ не употребилъ я на какое-нибудь пустое дѣло; я въ состояніи

доказать это благородному прелату и вызываю его представить хотя малѣйшее доказательство противнаго.

«Послѣ этого торжественнаго объясненія, мнѣ нечего болѣе безпокоиться о томъ, что могутъ теперь сказать обо мнѣ въ парламентѣ или внѣ парламента. Моя жизнь служитъ настоящимъ отвѣтомъ на всѣ клеветы, какія еще могутъ на меня придумать. Минутная популярность мало имѣетъ для меня значенія; забота же о своей репутаціи послѣ смерти кажется мнѣ нелѣпостью, развѣ только имѣть въ виду то удовольствіе, которое могутъ отъ этого получить потомки знаменитаго человѣка. Я счастливъ въ моей жизни; я буду счастливъ и въ смерти и еще болѣе—независимъ отъ этого міра, дряхлаго, безнравственнаго и неразумнаго».

„Робертъ Овэнъ“.

«Лондонъ. 2 февраля 1840 г.».

Еще восемнадцать лѣтъ прожилъ Овэнъ послѣ этого откровеннаго объясненія съ противниками своихъ идей. Ни разу во все это время не измѣнилъ онъ себѣ, несмотря на старость, несмотря на громадность встрѣчавшихся ему затрудненій. Въ 1845 г. онъ еще разъ совершилъ путешествіе въ Америку, чтобы содѣйствовать лично распространенію тамъ своего ученія. Съ 1846 г. онъ постоянно продолжалъ свою пропаганду въ Англіи. До конца жизни сохранилъ онъ полное употребленіе всѣхъ умственныхъ способностей и пользовался рѣдкимъ здоровьемъ. Незадолго до своей смерти онъ еще являлся на одномъ конгрессѣ въ Ливерпулѣ, въ сообществѣ лорда Брума и лорда Джонъ Росселя. Впрочемъ, говорить предъ собраніемъ ему было уже трудно. Послѣ этого онъ слегъ-было въ постель, но вскорѣ оправился и рѣшился ѣхать въ Ньютонъ, мѣсто своего рожденія, чтобы тамъ кончить свой вѣкъ. Тамъ

онъ и умеръ на рукахъ старшаго своего сына,—посланника Сѣверо-Американскихъ Штатовъ въ Неаполѣ. Смерть Овэна оправдала его торжественную увѣренность, высказанную за восемнадцать лѣтъ передъ тѣмъ: онъ умеръ спокойно, безъ агоніи, почти безъ всякой боли. За полчаса до смерти онъ говорилъ, что чувствуетъ себя чрезвычайно хорошо и пріятно. Послѣднія слова его были «relief is come»,—«пришла развязка».

Изъ представленнаго нами очерка читатели, незнакомые съ произведеніями Овэна, могутъ составить себѣ нѣкоторое понятіе объ общихъ положеніяхъ, на которыхъ опиралась изобрѣтенная имъ *разумная система* общественнаго устройства. Мы не нашли удобнымъ сдѣлать здѣсь полное и подробное обозрѣніе его системы: это необходимо отвлекло бы насъ отъ изложенія личной дѣятельности Овэна и заставило бы пуститься въ общія теоретическія соображенія. Соображенія-же эти потребовали бы слишкомъ долгихъ и подробныхъ распространеній, а отчасти и умолчаній, такъ какъ принципы Овэна стоятъ дѣйствительно въ рѣзкомъ противорѣчіи со всѣмъ, что обыкновенно принимается за истину въ нашемъ обществѣ. Поэтому, оставляя до болѣе удобнаго времени подробное изложеніе и разборъ теорій Овэна, мы на этотъ разъ ограничиваемся очеркомъ его личной дѣятельности и указаніемъ на главнѣйшія идеи, служащія основаніемъ всей его системы. Какое значеніе, какіе обширные размѣры имѣетъ эта система, на какихъ смѣлыхъ и совершенно самостоятельныхъ началахъ она основана—это достаточно ясно видно изъ «Манифеста», переведеннаго нами въ этой статьѣ. Для желающихъ-же изучить подробности системы Овэна нужно обратиться къ его сочиненіямъ, и преимущественно двумъ, названнымъ выше: «Объ образованіи человѣческаго характера» (есть въ русскомъ переводѣ) и «Книга новаго нравственнаго міра» (Book of the new moral world).

Писатели, разбиравшіе идеи и дѣятельность Овэна, обыкновенно называютъ его утопистомъ, мечтателемъ, романтикомъ, непрактичымъ и даже прямо безразсуднымъ человѣкомъ. Мы не знаемъ, какое мнѣніе читатели составили объ Овэнѣ по нашей статьѣ; но намъ кажется, что

съ писателями, трактующими Овэна такимъ образомъ, нельзя не согласиться во многомъ. Мы видѣли, что Овэнъ могъ обогатиться филантропіей—и растратилъ свое состояніе на бѣдныхъ; могъ сдѣлаться другомъ и любимцемъ всѣхъ партій—и ожесточилъ ихъ всѣ противъ себя; могъ дойти до степеней извѣстныхъ—и вмѣсто того потерялъ всякое уваженіе къ себѣ въ высшемъ обществѣ; могъ получить въ свою власть цѣлый край, отказавшись отъ одной изъ основныхъ идей своихъ—и не получилъ ничего, потому что прежде всего требовалъ отъ мексиканскаго правительства гарантій для свободы этой самой идеи. Поразмысливъ аккуратно, невольно приходишь къ вопросу: кто-же могъ поступить такимъ образомъ, кромѣ человѣка самаго непрактичнаго, преданнаго самымъ утопическимъ мечтаніямъ? Однихъ этихъ фактовъ уже вполнѣ достаточно, чтобы дать право противникамъ Овэна называть его близорукимъ мечтателемъ. А къ этому прибавьте еще его претензіи—преобразовать цѣлый міръ по своимъ идеямъ, доказать, что всѣ ошиблись, а онъ одинъ нашелъ правду! Это ужъ такая дерзкая химера, которой благоразумные противники Овэна даже въ толкъ взять никакъ не могутъ. И благо имъ, что не могутъ!

„ЖИЗНЬ ДЛЯ ВСѢХЪ“

Основанъ въ 1909 г.

литературный, художественный, научный и политическій, ежемѣсячный журналъ съ безплатными приложеніями, издаваемый и редактируемый В. А. ПОССЕ.

Основанъ въ 1909 г.

Изданіе „Жизнь для всѣхъ“ является попыткой примѣнить къ издательскому дѣлу принципъ **потребительной кооперації.**

Издатель журнала обязуется передъ подписчиками отдавать весь доходъ журнала въ распоряженіе подписчиковъ, которые по своему усмотрѣнію могутъ направить его на устройство трудовыхъ школъ для своихъ дѣтей, санаторій для своихъ больныхъ и пр. Ежегодно въ журналѣ печатается отчетъ о матеріальномъ положеніи журнала, и подписчики имѣютъ право провѣрять документы, на основаніи которыхъ составляется отчетъ.

Начиная съ 1911 года, вмѣстѣ съ объявленіемъ о подпискѣ на слѣдующій годъ, подписчикамъ будутъ разсылаться опросные листы. Отвѣчая на эти листы, подписчики будутъ воздѣйствовать на редактора-издателя, побуждая его устранять существующіе недочеты. По выплатѣ изъ дохода журнала суммы, вложенной для его организаціи, подписчики получатъ возможность поставить во главѣ журнала вмѣсто нынѣшняго редактора-издателя другое лицо.

И въ теченіе года между руководителемъ журнала и подписчиками происходитъ постоянный обмѣнъ мнѣній въ отдѣлѣ „Товарищеская бесѣда“.

Журналъ является внѣпартійнымъ, но съ **опредѣленнымъ направленіемъ.**

Приложенія къ „Жизни для всѣхъ“ за 1911 годъ:

1. Избранныя сочиненія **Н. А. Добролюбова.**
2. Сборникъ статей **„Освобожденіе крестьянъ“.**
3. **Альбомъ снимковъ съ картинъ извѣстныхъ художниковъ.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ **3** руб. съ доставкой и пересылкой. За границу **4** рубля.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, улица Жуковскаго, домъ 22.